

СВЯЩ. С. ТЫШКЕВИЧ

ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ
И
ВИЗАНТИЯ

РИМ
1951

Свящ. С. Тышкевич

ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ И ВИЗАНТИЯ

"Книжный мир экумены" © 2012

Р И М

1951

Издание русской католической семинарии в Риме
Roma, Via Carlo Cattaneo, 2

ROMA — TIPOGRAFIA PIO X, VIA ETRUSCHI, 7-9

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие представляют себе «разделение Церквей» приблизительно так: была когда-то одна и единственная, вполне благоустроенная Церковь Христова; вдруг что-то в ней испортилось, лопнула какая-то пружина, и Церковь раскололась, примерно как подчас дерево раскалывается сверху до низу от трескучего мороза. Другие думают о каком-то внезапном бунте, восстании части духовенства и верующих и их полном отпадении от Церкви. И то и другое представление о «разделении церквей», если и не совсем ложно, то во всяком случае очень не точно и способно вводить в заблуждение.

Распадение христианского мира на разные «исповедания», на Церковь и церкви, имеет, увы, очень глубокие корни и является последствием разных посторонних влияний, многовековых брожений, болезненных постепенных нарастаний, незаметно разъедающих ту или иную часть тела Церкви. Поэтому, чтобы уяснить себе этот важный вопрос, мы должны будем проследить историю церковного единства и противоположных течений с первых же дней существования Царства Христова на земле.

Понять суть раскола можно только имея правильное понятие о богоданном богочеловеческом организме Церкви, живом, постепенно развивающемся. Поэтому, говоря о развитии или раскрытии того учреждения-орудия, через которое Христос-Глава

объединяет Свою Церковь, мы будем иметь в виду также развитие других существенных элементов Церкви, её учения, её жизни.

Настоящий очерк представляет собою только очень краткое описание главных событий, имеющих непосредственное отношение к вопросу об иерархическом единстве древней Церкви и уклонении византийских церквей от этого единства.

При составлении настоящей книги автор пользовался главным образом трудами крупных не-католических ученых : А. С. Павлова, А. И. Покровского, В. В. Болотова, Н. Суворова, А. П. Лебедева, П. Лашкарева, Ф. А. Терновского, Гарнака и других.

ЕДИНСТВО ЦЕРКВИ

И

ВИЗАНТИЯ

I. В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ ГОНЕНИЙ.

В Ветхом Завете будущее Царство Божие на земле, Церковь, сравнивается с «нежною отраслью», которая «пустит ветви и принесет плод и сделается величественным кедром» (Иезекиил, 17, 22-23). Сам Господь наш Иисус Христос сравнивает это царство с деревом, вырастающим из крошечного зерна: «Царство Небесное подобно зерну горчичному..., которое, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Еванг. от Матфея 13, 31-32). Церковь, во всем подобная своему Главе, Христу, в своем человеческом элементе, как установленное Спасителем видимое общество, развивалась лишь постепенно, как Христос в своей человеческой природе. Поэтому в первые десятилетия после вознесения Христова в Церкви не было еще ничего «оформленного»: не было еще ни канонического права, ни точных догматических вероопределений, ни монастырей; религиозные обряды были очень просты, сводились к самому существенному. Само собою разумеется, что и подлинное каноническое единство Церкви могло иметь только самое несложное, едва заметное выражение.

Очень рано христианская община окончательно выделилась из «синагоги» и образовала особое самостоятельное общество, вполне отличное от еврейского национально-религиозного объединения и во всей своей внутренней жизни безусловно независи-

мое от государства, в противоположность до-христианской древности, которая « не знала ни религии, отрешенной от национальности, ни религиозного союза, отличного от государства... Он (Христос) проповедывал своим соотечественникам такое религиозное учение, что *свои Его не познаша* и казнили Его позорною смертью; как разрушителя национального богооткровенного закона » (1). « В языческих обществах религиозные учреждения тесно связаны с национальными, и национальные — с религиозными » (2). Христос отверг эту зависимость религии от национальных учреждений и настроений; Он положил основание церковного объединения, объединения вселенского, сверхнационального, самобытного, не подлежащего влиянию национальной обособленности. Объединять свою Церковь Он поручил не еврейскому синедриону и не государственной власти, а им же учрежденной апостольской иерархии. Он отверг ветхозаветные представления об отношениях между государством и религией. За это Его так возненавидели израильские националисты.

Первоначальная христианская община, состоявшая отчасти из непосредственных учеников Христовых, жила глубокой верой, под мощным воздействием благодати Духа Святого и особых духовных дарований. Чад новорожденной Церкви связывала большая сверхприродная любовь, благодатное единодушие, подлинная церковная соборность. Не было никаких противных любви перегородок. Все чувствовали себя братьями во Христе, независимо от племенного или сословного происхождения и независимо от места занимаемого в иерархическом строе Церкви. Но братское, семейное отношение апостолов и верующих между собою не переходило в светское, демократическое равноправие. На Иерусалимском соборе 50-51 года, по словам знаменитого русского церковного толкователя Св. Писания, Н. Глубоковского, « действующими являются собственно Апостолы ие-

русалимские и местный совет из пресвитеров, а все прочие были лишь соприсутствующими свидетелями, которые, не будучи только пассивными слушателями, однако не влияли своим голосом на ход решений » (3).

Дух и строение первоначальной Церкви, пожалуй, лучше всего описаны св. Иоанном Златоустом (4), особенно в его беседах на Деяния Апостольские. Отношение между соборным началом и единовластием *вообще* выражено Златоустом словами: «Ведь мы все братья, и один у нас Наставник, но и между братьями надобно, чтобы один давал приказания, а остальные слушались » (5). На собраниях учеников Христовых «Петр всегда первый начинает говорить, частью по живости своего характера, а частью потому, что Христос вверил ему Свое стадо и он был первым в лике апостолов » (6). Как образцовый христианский настоятель, апостол Петр руководит другими апостолами не самовольно и деспотически, а по братски, считаясь с мнением других. «*Мужие... братие*. Если Господь назвал их братьями, то тем приличнее было такое обращение Петру » (7). В важном деле избрания нового апостола на место Иуды Петр советуется с «братьями» и «предоставляет это дело на суд большинства... Разве самому Петру нельзя было избрать? Очень можно. Но он этого не делает, чтобы не показаться пристрастным » (8). Петр заботится о всех учениках Христовых, ибо «в то время начальство составляло не честь, а заботу о подчиненных... Он первый распоряжается в этом деле, так как ему вверены все. Ведь ему сказал Христос: *и ты некогда обратишься, утверди братию твою* » (9). Итак, Петр вовсе не «первый по чести», как говорят не признающие авторитета Отцов Церкви протестанты, а действительный настоятель всех, пастырей и пасомых. Когда надо, Петр действует как «вождь в блаженном лике» и «смиряет страхом» непокорных (10). Говоря о путешествиях апостола Петра, Златоуст выражается так: «Он обходил как бы не-

который военачальник, ряды, наблюдая, какая часть сомкнута, какая во всем вооружении и какая имеет нужду в его присутствии... Где была опасность и где требовалась распорядительность, там он; а где всё было в мире, там все они вместе» (11). О Петре все молятся как об общем «кротком отце» (12).

Итак, Петр — отчески заботящийся о подчиненных «военачальник»; а роль военачальника образовать из совокупности всех одно боееспособное организованное общество, одно воинство, одно «тело», как выражается Златоуст, толкуя I послание ап. Павла к Коринфянам: «Военачальник поставляется над войском для того, чтобы из отдельных членов составить одно тело» (13). В других местах своих творений Златоуст называет Петра «главою сонма учеников», «главою братства», «главою в лике апостольском» и т. д. (14). Апостол Иаков — председатель Иерусалимской церковной общины, Петр — высший иерарх объединяющий всю Церковь: «Петр был избранный из Апостолов, уста учеников, верховный в их лике, почему и Павел приходил некогда видеть его преимущественно пред другими... Если же кто спросит: почему же престол Иерусалимский получил Иаков? то я отвечу, что Петра Христос поставил учителем не для этого престола, но для вселенной... Теперь ему вверено попечение даже о братии» (15). Такие же или подобные выражения на счет ап. Петра, как объединителя всей Церкви, мы находим в творениях многих других Отцов Церкви (16). В православных богослужебных книгах Петр назван «основанием Церкви», «основанием догматов», «основанием апостолов», «апостолов предначальником», «вождем апостолов», «пастырем владычным всех апостолов» и т. д.

Отметим кажущееся противоречие: Отцы Церкви иногда говорят, что все апостолы были равны, а с другой стороны они же утверждают, что была крупная разница между апостолами, и подчеркивают роль

Петра, как вождя апостолов. Это недоразумение легко рассеять, если иметь в виду, что Петр, как апостол, как священник, как проповедник Евангелия, был равен другим апостолам, и в некоторых отношениях даже стоял ниже, чем Павел, например, или Иоанн, но превосходил всех своим *особым служением*, возложенным на него Спасителем: обеспечивать единство Церкви.

Еще при жизни главных апостолов Церковь быстро распространилась вдоль берегов Средиземного моря. Апостолы проповедывали Евангелие в разных странах, далеко за пределами Палестины. Апостол Петр трудился сначала на Востоке, а затем, вместе с Павлом, укреплял христианскую общину в Риме. По некоторым сведениям IV века, он прожил в Риме 25 лет, но это легенда. Научными изысканиями установлена только довольно продолжительная пастырская деятельность вождя апостолов в столице империи, где он и принял мученический венец, по всей вероятности в 67 году.

Исторические сведения об этой эпохе до второй половины II века крайне скудны. Начались великие гонения, которые, чередуясь с краткими затишиями, продолжались до начала IV века. Самоотверженность и страдания бесчисленных мучеников способствовали распространению христианства вглубь Малой Азии, Греции, Италии, северной Африки, несколько позже — Франции и Испании. В это наиболее «катакомбное» время единство Церкви, как и вообще всё её устройство, едва ли могло принять определенные, продуманные формы. К тому же, Церковь была еще в младенческом состоянии, будущий кедр был еще еле заметным деревцом. Соборы начали появляться в истории только во второй половине II века. Вселенская власть Римского епископа, преемника апостола Петра, была еще очень мало развита, она была слабо осознана и разграничена: крепкий и наглядный ствол церковного кедра был тогда еще сла-

бым, нежным стебельком, по цвету и составу мало отличавшимся от побочных веток. Всё церковное домостроительство было тогда еще « в зародыше », степени иерархии только начинали выделяться и друг от друга отличаться. Как видно из одного из древнейших памятников христианской письменности, *Учения двенадцати апостолов*, в первое время не было заметно разницы даже между простым священником и епископом. Известный русский ученый историк канонического права, проф. Н. С. Суворов пишет « В *Дидахэ (Учении 12 апостолов)* еще ничего не говорится о выделении и обособлении из числа нескольких епископов или пресвитеров, стоящих во главе христианской общины, одного с высшим руководящим авторитетом и с исключительным титулом епископа, в отличие от пресвитеров » (17). Если в трудных условиях того времени прошло несколько десятилетий прежде чем духовенство каждой поместной общины смогло объединиться под властью одного епископа, то на пути объединения всех епископов вселенской Церкви одним высшим иерархом лежали, человечески говоря, непреодолимые препятствия.

Тем не менее, « уже в конце первого века римская община выработала у себя прочное устройство, оча с материнской заботливостью следила за дальними общинами и умела тогда говорить языком долга, любви и власти ». Так пишет протестантский крупный историк Гарнак (18). Он же признает, что « главные элементы католичества восходят до апостольского века, и притом не только на поверхности » (19).

Около 96 года в Греции в Коринфской церкви произошло смятение, и благонамеренные из тамошних христиан почли необходимым известить об этом Римскую церковь. За разрешением затруднений коринфяне обратились не к жившему еще тогда по близости апостолу Иоанну, а к римской кафедре. И папа св. Климент ответил в тоне высшего настоятеля всей

Церкви. Он осуждает коринфян за возмущение против местной церковной власти, призывает к соблюдению церковных правил и пишет: « Если некоторые не послушают того, что Христос через нас вещал, то пусть знают, что их душам угрожает великая опасность ». По поводу этого послания папы Климента к Коринфянам, лучший православный церковный историк, вообще антикатолически настроенный, выражается так: « Автор послания говорит с авторитетом, требует повиновения, усволяет себе право заботиться об умиротворении посторонних Церквей » (20). « Но чем объяснить, что Климент убежден в своем праве обращаться к другой церкви как власть имущий? Незнанием своих прав? Но он сотрудник апостолов Петра и Павла... Гордыней? Но он святой Греко-русской церкви. Величием Рима? Но что видела римская церковь от этого величия, кроме гонений... Властолюбивой традицией римского аристократизма? Но Климент — из простонародья » (21). В течение трех веков это послание папы св. Климента читалось с большим уважением во многих церквях Востока (22).

Осуществив постепенно объединение отдельных церквей-приходов в церкви-епархии, надо было думать о согласованности епархий между собою в отношении учения и канонического разрешения возникающих вопросов и сомнений. Происходили беспорядки, появлялись лже-учения, ереси. Надо было сговориться, посоветоваться, выработать практические методы объединения вокруг общего центра, продумать волю Христову относительно единства Церкви. Это всё отчетливее сознавалось по мере того как проявлялись возрастающие пагубные последствия разобщенности. Конечно, главным очагом духовного единства была весьма интенсивная тогда евхаристическая жизнь клира и верующих; частое, подчас ежедневное, причащение объединяло христиан в божественной любви. Но чем интенсивнее была благо-

датная жизнь, тем определеннее чувствовалась потребность осознать себя одним «телом», одной организацией, одним богоустановленным, иерархически налаженным братством. Но осуществление внешних форм церковного единства, будучи органически связанным с общим развитием христианской жизни и с ростом Церкви, подвержено, подобно всем другим факторам церковного домостроительства, закону постепенности и разным перебоям, сопротивлениям, недооценкам и ложным толкованиям. Поэтому ответим сначала вкратце на вопрос: на какой стадии органического развития находилась церковная жизнь во II и III веках?

«С переходом на почву третьего века... принципиальные вопросы догматического характера, в роде позднейших тринитарных и христологических споров, пока еще не успели вполне сложиться и созреть» (23). «Древняя Церковь тогда еще плохо сознавала различие между догматом и обрядом» (24). Не было еще точно определенных общепринятых соборных вероучительных формул в роде выражения «единосущный»; многие не решались называть Пресвятую Деву «Богородицей». Канонический состав Библии еще не был точно установлен; существовало много апокрифических (не-подлинных) евангелий, именно около 50, посланий, деяний апостолов, апокалипсисов, «которые несправедливо вносились в библейский канон некоторыми православными церквями» (25). «На первых порах христианской истории, в виду преследований и гонений на христиан, употребление икон было слабо развито... Процветание иконопочитания началось с эпохи Константина Великого» (26); а в богословие вопросы иконопочитания вошли значительно позже. В первые два века «подвижничество во всех его видах не было явлением организованным: подвижники жили отдельно друг от друга и не составляли какого-либо особенного общества с определенным уставом. В конце третьего

века подвижничество начинает принимать более определенный характер» (27). Богослужение всё еще совершалось очень просто, церковное пение было скорее отчетливым произношением. Праздников было мало; «другие из них, явившись сначала в одной какой-либо из древних церквей, сделались более общими и известными в последующие времена» (28); праздник Введения в храм Пресв. Богородицы установлен только в VIII веке, праздник Богоявления еще в IV веке был неизвестен во многих странах. Посты не сразу приняли форму определенных правил воздержания; древнейшее упоминание об успенском посте относится к V веку (29). Церковное зодчество было весьма примитивно, великолепных храмов не было вовсе. «Церковно-соборный институт... проявил свое действие лишь после половины второго века» (30). В большинстве случаев эти соборы были простыми съездами епископов той или иной «провинции», часто очень немногочисленными (10-15 человек). О вселенских соборах никто не смел и помышлять, хотя многие и сознавали, что в случае столкновения между отдельными поместными соборами необходимо вмешательство какой-то высшей церковной инстанции.

Итак, Церковь развивалась из «горчичного зерна». Поэтому неудивительно, что и папство, тесно и *органически* связанное со всей жизнью Церкви, находилось в III веке на той же стадии развития, как и все другие элементы церковного и иерархического строения. Если бы на протяжении прошлых веков папство не развивалось сообразно с общим развитием Церкви, в жизненно-органическом отношении к нему, а имело современную нам степень расцвета, то это было бы веским доказательством в пользу тех, кто утверждает, что оно чуждо организму Церкви, является чем-то привнесённым, посторонним, прибавленным к Церкви.

Противники католичества из разных идеологических лагерей охотно ссылаются на образ действий св. Киприана, епископа Карфагенского в середине III века, который при поддержке группы африканских (далеко не всех) и нескольких малоазийских епископов проводил взгляд, что каждый епископ ответствен за свои поступки только перед Богом, и подчас сопротивлялся решениям Римского апостольского престола. Киприан возлагал большие надежды на единодушие епископата. В своем сочинении о единстве Церкви он был так захвачен мыслью о том, что в каждой епархии должен быть только один епископ (это тогда оспаривалось некоторыми еретиками), что совсем потерял из виду вопрос об осуществлении реального единства *всей* вселенской Церкви и о способе обеспечения единодушия всех церквей. Он не думал о том принципе, который был вполне применен ко всей Церкви и осознан христианским миром только впоследствии; принцип этот, выражаясь ясными словами св. Василия Великого, состоит в том, что «всякое благочиние и согласие между многими до тех пор держится с успехом, пока сохраняется общая всех благопокорность одному какому-нибудь начальнику; а всякое разногласие и раздор, также многоначалие бывают следствием безначалия» (31). Впрочем Киприан не раз сам себе противоречил и во время нестроений в собственной епархии «он апеллировал к Римской Церкви, к Римскому епископу, полагая, что единение с этой Церковью есть уже гарантия истины»; так пишет протестант Гарнак (32). А православный ученый Н. Суворов следующими словами оценивает взгляды Киприана на единство Церкви: «Римская церковь, даже и во время вакантности ее епископской кафедры, считала своим призванием иметь попечение о всех общинах христианства... В борьбе с расколом Киприан весьма часто указывал на единомысленную с ним в данном случае римскую церковь, как на церковь Петра, как

на источник, откуда произошло священническое единство, как на корень и мать католической церкви. Поэтому из сочинений св. Киприана церковная наука могла до сих пор почерпать аргументы и в пользу, и против римских взглядов. Принципиальный недостаток аргументации св. Киприана состоит в том, что, отстаивая карфагенскую практику против римской и утверждая за каждым епископом право управлять своею церковью независимо от чьего-либо вмешательства, с ответственностью лишь пред Богом, Киприан тем самым допускает возможность разногласий и разностей в самых существенных пунктах церковного порядка, а равно злоупотреблений со стороны епископа его властью. К этому принципиальному недостатку аргументации св. Киприана, история присоединила фактическое опровержение его взглядов, вызвав к жизни институты высших епископов — митрополитов и патриархов — с высшими правами власти, сравнительно с остальными епископами, и показав, что целые столетия могут проходить без созыва соборов. Кроме того, для дальнейшего развития римских церковных взглядов, не остался без значения тот факт, что оба раза, т. е. в споре Виктора с Поликратом и в пререканиях Стефана с Киприаном, правильное по существу мнение отстаивалось римским епископом, и что в эпоху вселенских соборов римский взгляд по обоим вопросам был признан и стал общецерковным взглядом» (33). Дело в том, что папа св. Виктор (189-198) предписал всем церквам христианского мира праздновать Пасху одновременно и не считаясь с еврейскими обычаями, а епископу ефесскому Поликрату, оказавшему сопротивление, угрожал отлучением; папа же св. Стефан (254-257) осудил африканский обычай перекрещивать еретиков, которого придерживался св. Киприан. Говоря о первом столкновении, проф. Покровский в уже упомянутой нами книге пишет: «Отпор был дан папой Виктором. ...Достаточно окрепшая к этому

II. -- РИМСКАЯ ЯЗЫЧЕСКАЯ ИДЕЯ В ХРИСТИАНСКОЙ ИМПЕРИИ.

В начале IV века произошло одно из крупнейших событий в истории христианской Церкви: после почти трехвекового гонения на христианство, римский император не только признал законным существование Церкви, но и взял ее под свое покровительство. Событие это имело ряд последствий, отчасти безусловно положительных и радостных, отчасти нежелательных и печальных. Древне-римские представления об отношениях между служителями культа и священной особой императора были перенесены, до известной степени, на отношение между епископатам и христианским монархом. Это повлекло за собой нарушение первоначальных устоев церковной жизни и, в значительной мере, забвение слов Христовых: «отдавайте кесарево кесарю, а Божие Богу» (Мк. 12, 17).

«Римский император был не только верховный охранитель римских *sacra* (святынь), но он был и сам бог, не говоря уже о том, что сенат прославившихся чем-либо императоров по их смерти причислял к сонму богов... Корень такого воззрения на императора берет свое начало с востока. Древние египтяне смотрели на своих фараонов как на сынов богов; такой же взгляд практиковался в Сирии и у азийских греков... Подпав под власть Рима, они в сильной степени развили у себя культ августов, строили в

честь римских императоров храмы, учреждали особых жрецов » (1). Само собою разумеется, что в христианстве никто уже не думал считать царя богом, но все-таки от языческого культа земного властелина кое-что осталось: христианский император склонен был думать, что он является верховным выразителем и истолкователем Божиих велений, тем более, что он издревле носил звание « величайшего жреца », *понтифекс максимум*, которому все жрецы подчинены. « Государственное право Рима усвояло служению религии значение высшего государственного служения. По основной идее своей у римлян институт публичных сацердосов (жрецов) заступал собою перед божеством власть верховную и народ для непрерывного отправления лежавших на государстве и народе религиозных обязанностей, от которых правительство и масса народная естественно могли быть и были отвлекаемы разного рода общественными и частными нуждами. В права и обязанности государства, поэтому, входило заботиться, чтобы количество сацердосов всегда было достаточным для выполнения обязанностей общественного культа и для удовлетворения всем законным религиозным потребностям народа...; призывать к этому служению тех или иных лиц по усмотрению или принятому порядку, и наблюдать за тем, чтобы отношение этих лиц к своим обязанностям, их жизнь и поведение соответствовали вполне их высокому призванию » (2). « Государственное право Рима обеспечивало общественному культу определенные материальные средства, не упуская притом из виду материального благосостояния и его служителей » (3). « С течением времени... понтифекс заменился в Риме целю коллегиею понтифексов, с понтифексом максимумом во главе... Самое установление в Риме власти императорской имело своим последствием только соединение в лице государей, вместе с другими званиями, и звания понтифекса максима ; но не изменило относитель-

ного положения понтификальной коллегии в ряду других религиозных и государственных учреждений» (4).

Всякому кто хоть немного знаком с Новым Заветом и жизнью первоначальной Церкви бросается в глаза непримиримое противоречие между этой старой языческой идеей подчинения служителей религии государственным властям и Царством Христовым. Недаром римские «божественные» императоры почти 300 лет истребляли христиан, в то время как они благосклонно относились к всевозможным другим иностранным религиям. Ветхозаветные теократические установления, поскольку они носили характер национально-государственной религии, имели некоторое, отдаленное сходство с древне-римским, языческим религиозно-государственным порядком; но эти установления Иисус Христос отменил раз навсегда. Он учредил Свою единую и единственную для всех народов и государств, а потому не подчиненную им, Церковь; именно этого язычники властелины не могли ни понять ни допустить. Они без особых затруднений позволили бы христианам почитать Пресвятую Троицу, молиться Богородице или духовно питаться таинствами, но под одним условием: признавать императора *понтифексом максимусом* и не помышлять об объединении Церкви одним независимым от императора верховным первосвященником. Приняв христианство, римские императоры всё время держались идеи компромисса, своего рода двоеверия: они преклонились перед истинным Богом, но считали себя Его верховными заместителями в Христовой Церкви.

Со времени признания христианства императором Константином «светская власть начала принимать участие в церковном законодательстве... Так как древнему (языческому; С. Т.) миру чуждо было различие церкви и государства, как двух особых организмов, то церковные законы христианских импера-

торов были в то же время и государственными законами»⁽⁵⁾ По мысли этих императоров, христианские епископы должны были стать верными служителями *государственной* императорской Церкви. Это обозначало разрыв с первоначальным церковным преданием. «Ничего подобного сацердотальному⁽⁶⁾ институту римскому, который, по замечению Цицерона, самым внешним величием своим поддерживал достоинство римского государства, не представлял собою церковный клир первых трех веков христианства. Христианский народ и не добивался ничего в этом роде... Константин решил войти по отношению к органам власти церковной во все те права, какие давали ему прерогативы власти верховной»⁽⁷⁾. Получилась какая-то смесь христианства с язычеством. «Большинство христиан рассматриваемого нами периода страдало — так сказать — двоеверием: христиане в теории — оставались язычниками в житейской практике»⁽⁸⁾. «Уже первый христианский император рассматривался не только как *внешний* *эпистол*, но и как Богом поставленный *общий епископ* — выражение церковного историка Евсевия ..., который имеет преимущественное попечение о Церкви Божией и, при возникновении разногласий, созывает соборы из служителей Божиих... Собор 448 г. в Константинополе приветствовал Феодосия II как первосвященника и императора... Римская мысль об императоре, как верховном первосвященнике, с чрезвычайной резкостью была выражена императором Львом Исавром, в предисловии к его еклоге⁽⁹⁾, где он назвал себя преемником апостола Петра, имеющим миссию пасти стадо верующих»⁽¹⁰⁾. Сколько света проливают эти слова на проблему происхождения Византийского раскола! Всё позднейшее сопротивление папству выросло из этой языческой «римской мысли».

Одно злоупотребление влекло за собою множество других. «Как высшая церковная власть, импе-

ратор созывал вселенские соборы... Во время заседаний собора, император следил за его деятельностью, принимал в нем непосредственное участие... Император и от себя, помимо собора, издавал церковные законы... Император мог по своему усмотрению заместить вакантную епископскую кафедру, что... относительно константинопольской патриаршей кафедры было обыкновением явлением... Но соединение в одних и тех же руках и церковной и государственной власти... повело к весьма прискорбным явлениям в церковно-государственной жизни... Императоры издавали обязательные для всех подданных религиозные эдикты (указы), при чем не только законодательствовали в духе церкви, но и становились в противоречие с церковным догматом, усиливая религиозную смуту и нарушая свободу совести в лицах, не разделявших императорского взгляда... Ряд императоров... направляли ход церковных дел против ортодоксии»⁽¹¹⁾. Римские императоры «и по принятии христианства не могли отрешиться от мысли, что *ius sacrum* (священное право) есть составная часть *iuris publici* (государственного права) и что единая религия должна служить основой государственной жизни. Императоры-язычники думали найти эту основу в языческом культе, а императоры-христиане перенесли ту же точку зрения на христианскую религию... Хотя в принципе признавалось несомненным, что, при коллизии (столкновении; С. Т.) законов с канонами, последние преимуществуют перед первыми, императоры не стеснялись издавать законы, не согласные с канонами, а канонисты не стеснялись объяснять, что позднейшими императорскими законами отменяются древнейшие каноны»⁽¹²⁾.

Русский церковный историк П. И. Малицкий пишет: «Влияние государства на церковную жизнь прежде всего сказалось в широком участии византийских императоров в церковных делах. Широта этого участия вытекала из традиционной религиозной

политики Рима. Римский император, как *понтифекс максимум*, был высочайшим служителем и покровителем своей языческой государственной религии. Такое положение по отношению к христианской церкви заняли и христианские императоры» (13). Вполне правильно сказано, только слово «служитель» следует понимать в смысле — «хозяин», ибо в древнем Риме император был полновластным хозяином религии.

У величайшего русского религиозного мыслителя мы читаем: «Византийское преобразование римской империи, начатое Константином Великим..., дало в результате государство христианское лишь по имени. Законы, учреждения, а частью и общественные нравы — все это сохраняло отдельные черты старого язычества... Императоры второго Рима (т. е. Константинополя; С. Т.), для которых было важно сохранить и в христианском мире абсолютизм языческого государства, выказывали расположение ко всем ересям» (14).

Д. Мережковский со свойственной ему резкостью писал в своей книге о Достоевском: «Безграничная покорность всем властям земным, совершенный отказ от любовной и свободной общественности, совершенное порабощение церкви государству — такова историческая действительность православия... На востоке отречение от свободы Христовой в области общественной, победа языческого государства над христианской церковью произошла без всякой борьбы... Идея всемирного духовного единения человечества во Христе существовала, хотя и с неудачными попытками осуществления, только в западной половине христианства, в католичестве, тогда как в православии эта идея и не брезжила. Здесь, на Востоке, римский кесарь, самодержец в языческом смысле, земной бог, человеко-бог, — каким был до христианства, таким и остался в христианстве» (15). Сказанное Мережковским верно, если под словом «православие» понимать антикатолические сепарати-

стические элементы византийского клира, но оно совсем неверно и возмутительно, если иметь в виду великих и подлинных восточных православных святых, страдавших от порабощения Церкви империей.

Крупный французский ученый Л. Брейэ, в своем строго научном исследовании « О пережитках римского почитания императора », приводит много интересных исторических данных. Константин Великий, несмотря на свое благорасположение к христианству, « повидимому сохранил почти все приемы и обычаи древнего почитания императоров » (16). Себя он конечно не считал богом, но своих предшественников он охотно называл « божественными ». Он не отказался от ореола, который в его время был признаком божественности и был совершенно чужд христианству (17). Существенной чертой древнего римского культа был священный характер императора. В Византии при короновании императора патриарх провозглашал его трижды святым, пел в честь его: « Свят, свят, свят », и народ повторял за ним песнь, которую херувимы поют в честь Бога: император имеет участие в Божием всемогуществе (18). Как на небе — один Бог, так на земле одна империя. С течением времени почитание императора, как безусловного властелина, всё более укоренялось. Всё так или иначе касающееся императора считалось « божественным »: божественный дворец, божественный завтрак, божественные указы, божественные изречения царя, его божественная канцелярия, его божественная подпись и т. д. Император писал свои божественные письма божественною рукою. Только в IX веке наименование « божественный » стало простым почетным титулом (19). Немало византийских литургических обрядов заимствовано из придворного церемониала. Императорский дворец был своего рода великолепным храмом. Впрочем обычай стоять перед императором на коленях и целовать ему ноги был простым

выражением верноподданнических чувств, а не обожанием.

Древне-римское языческое почитание изображений императора сохранилось и в Византии. В процессиях портрет императора подчас занимал почетное место среди икон. Была выработана особая иконопись, предметом которой были императорские особы; эти «иконы» послужили образцами, по которым стали рисовать настоящие иконы изображавшие Спасителя. Всё это отразилось в эпоху иконоборчества: императоры яростно истребляли иконы Иисуса Христа и святых, а благочестивые люди из народа бунтовались и разрушали иконы представлявшие императора с ореолом вокруг головы. Византийцы плохо различали между священным характером императорского звания и святостью жизни; они подчас причисляли к лику святых императоров очень мало назидательной частной жизни и гонителей Церкви⁽²⁰⁾.

Цезаропапизм сразу же стал большою опасностью для Церкви, он увлек за собою значительную часть высшего духовенства, он глубоко исказил заветы Христовы и наставления Ап. Павла относительно строения Церкви. Но следует остерегаться неоправданных обобщений. В быту древней Церкви было много светлых сторон. В тяжких испытаниях, порождаемых неустанными попытками почти всех римско-византийских императоров навязать Церкви дохристианские взгляды на религию, она духовно крепла. Неустанно появлялись целые сонмы страдальцев, отдававших собственную свободу, а иногда и жизнь, за свободу Церкви, за чистоту евангельских начал независимости иерархии от государства в делах церковных. Все лучшие пастыри Запада и Востока часто высказывались за чисто церковное единство христианского мира и осуждали отождествление вселенской Церкви с «вселенской» империей. Папство воодушевляло эти благие устремленности; западные епископы, более тесно сплоченные

вокруг римской апостольской кафедры, чем восточные, в общем смелее выступали в защиту Церкви, чем византийские иерархи, пребывавшие под постоянным непосредственным наблюдением полу-языческого монарха. Послушаем Болотова.

« В этот период папы в своих посланиях не замедлили указать императору на различие между государственною и церковною властью, на превосходство последней над первой; поставлена была им на вид вся противозаконность их вмешательства в дела Церкви; явилась на свет теория о двух мечях. В 493 г. папа Геласий писал императору Анастасию: *Две силы, августейший император, по преимуществу управляют этим миром, это — священный авторитет архиереев и царская власть, и между ними тем важнее значение священников, что они за самих царей должны дать ответ Господу на суде Его... В делах веры ты должен подчиняться их законным распоряжениям, а не начальствовать над ними, — не их покорять твоей воле, а сам руководиться их суждением.* Восточные епископы, напротив, в большинстве подчинялись формально всем велениям двора после довольно слабого сопротивления... Императоры, по крайней мере многие, хотели быть и епископами внешних дел Церкви, и лесь епископов признавала за ними это свойство... Еще Сократ в своей церковной истории писал: *с тех пор как императоры стали христианами, дела Церкви стали от них зависеть...* Нужно только прибавить, что не исключительно императоры с их притязаниями на роль понтифекс максимум в делах религии были творцами этого положения дел. Оно было естественным последствием несовершенств членов самой Церкви... И епископы восточные и епископы западные не мало привнесли к тому, что отношения сложились таким образом. Но требование церковной независимости чаще было заявляемо со стороны латинской церкви, чем со стороны греческой... Латинские епи-

скопы умели энергичнее их восточных собратий отклонять покушения светской власти на свободу церковных отношений » ⁽²¹⁾.

(1) Болотов, *Лекции*, 1910, том II, стр. 33.

(2) П. Лашкарев, *Отношение Римского Государства к Религии*, изд. Киевской Дух. Академии, Кнев, 1876, стр. 70.

(3) Там же, стр. 77.

(4) Там же, стр. 88.

(5) Прот. М. И. Горчаков, *Церковное право*, СПб, 1909, стр. 39.

(6) По латыни: сацердос — священник.

(7) Лашкарев, стрр. 73 и 94.

(8) Ф. А. Терновский, *Грековосточная Церковь в период вселенских соборов*, Киев, 1883, стр. 101.

(9) Эта еклога — небольшое собрание законов.

(10) Суворов, *Учебник*, стр. 40.

(11) Там же, стрр. 40-43.

(12) Там же, стр. 465.

(13) *История Христианской Церкви*, II, Тула, 1910, стр. 213.

(14) Владимир Соловьев, *Россия и Вселенская Церковь*, Москва, 1911, стрр. 19 и 21.

(15) *Пророк Русской Революции*, 1906, стр. 10 сл.

(16) L. Bréhier, *Les survivances du culte impérial romain*, Paris 1920, стр. 38.

(17) Там же, стр. 39.

(18) Там же, стр. 46.

(19) Там же, стр. 50.

(20) Там же, стрр. 65 слл. Это напоминает своеобразную « канонизацию » Сталина советским духовенством. Митрополит Николай Крутицкий писал о нем в *Журнале Московской Патриархии* от января 1944 г.: « В нашем вожде верующие знают величайшего из людей, каких рождала наша страна..., видят воплощение всего лучшего и светлого что составляет священное наследство русского народа ».

(21) *Лекции*, т. III, стрр. 85-90.

III. – ЦЕРКОВНАЯ ИЕРАРХИЯ И СОБОРЫ.

После того как, в IV веке, христианство стало государственной религией Византийской империи, наряду с общим здоровым развитием догматического учения, литургической жизни, аскетического подвижничества и канонических установлений, появились новые, нездоровые, чуждые Евангелию церковные течения, порожденные вторжением посторонних религиозно-государственных начал в организм Церкви. Жизнь духовенства стала легче, угроза казни за веру во Христа исчезла; но нравственный уровень придворного епископата был низок. Послушаем ученого знатока церковной истории :

« ...Изменился тип церковного устройства. Самая капитальная из этих перемен состояла в том, что центр тяжести в церковно-общественных делах был перенесен из области полномочия отдельных общин в сферу власти абсолютного монарха и окружавших его придворных... Прежде избрание епископа зависело главным образом от его будущей паствы; теперь оно решалось волею императора в тех случаях, когда император хотел проявлять свою волю...; так имп. Валент во многие города назначал арианских епископов в замен изгнанных православных..., общий ход истории очевидно направлялся к тому, чтобы последнее слово оставалось за самодержцем... Административное деление империи и субординация городов малых большим были перенесены и в церковную область... Патриархи и архиереи других центральных городов в

силу политического значения своих кафедр выделились из ряда своих собратий епископов и считались настолько важнее их, насколько например генерал-губернатор выше городничего. ...Теперь императоры усвоили себе право созывать соборы, председательствовать на них лично или чрез своих уполномоченных, руководить соборными заседаниями и утверждать соборные решения своею властью. Нет сомнения, что в теории императоры преклонялись пред решениями соборов, считая их органом Св. Духа; но не могли не сознавать, что на практике от императорской власти зависело дать соборным постановлениям силу обязательного закона. Да и кроме того — сами члены соборов своими пререканиями очень часто настойчиво вызывали вмешательство императорской власти. Как судить об этой перемене в положении епископов нашего периода? Если основаться на мнении св. Григория Богослова и других современных писателей, то перемена была к худшему. Вот мысли св. Григория относительно избрания епископов: ...председательство приобретает не добродетелью, но происками, и кафедры занимают не достойнейшими, но сильнейшими...; не бывает ни врача ни живописца без предварительной подготовки, а председатель в церкви удобно выискивается, не трудившись, не готовившись к сану... *Не видал я, пишет св. Григорий, ни одного собрания епископов, которое имело бы во всех отношениях полезный конец и не увеличивало бы бедствий вместо того, чтобы избавлять от них: любовь к спорам и любоначалие выше всякого описания...* Правда были в тот период еще очень многие святители, как например Василий Великий, Григорий Богослов, Амвросий медиоланский, Синезий пентапольский, которые обнаруживали мужественную независимость по отношению к гражданской власти, но все эти люди очевидно плыли против течения и нельзя было ожидать, что большинство за ними последует... Так как полновластный император был один, а епископов, и

притом соперничающих, много, то естественно, что большинство епископов были льстецами и угодниками царской власти » (1).

Говоря об эпохе Юстиниана (VI век) и сравнивая ее с эпохой Константина Великого (IV век), тот же автор пишет: « С тех пор прошло около двух сот лет и нравственный уровень большинства епископов заметно и значительно понизился » (2).

Поэтому неудивительно, что « гнездом ересей в собственном смысле был восток христианский » (3). Неудивительно, что все ересиархи с невероятной легкостью собирали в подтверждение своих лжеучений многолюднейшие соборы, по блеску и количеству собравшихся епископов подчас превосходившие великие вселенские соборы.

Одно время почти весь епископат Востока и Запада под давлением императора еретика высказался в пользу арианства, ереси отрицавшей божество Иисуса Христа, и против папы римского и нескольких других епископов защищавших христианскую веру. « Император Феодосий созвал в 449 году... большой собор в Ефесе под председательством Диоскора, патриарха Александрийского... Собор по причине господствовавшего на нем пристрастия и насилия, носит в церковной истории прозвание разбойничьего. Патриарх константинопольский Флавиан умер через несколько дней после своего осуждения, как гласит предание, вследствие побоев, нанесенных ему буйными монахами, бывшими на соборе » (4). Заметим, что Флавиан — великий православный святой, а на осудившем его разбойничьем соборе преобладали еретики. Император Василиск « окружною грамотою осудил Халкидонский (вселенский!) собор, в чем и нашел поддержку со стороны собравшихся в Ефесе 500 епископов » (5). И все последующие ереси распространялись главным образом благодаря содействию со стороны значительной части епископов. Иначе и быть

не могло при хозяйничании в Церкви светских самодержцев.

« Вторжения императоров в чисто церковные дела проходят яркою нитью через всю византийскую историю. Руководясь часто искренними побуждениями охранять церковные интересы, они, как люди некомпетентные в вопросах веры, становились часто на ложную дорогу и вместо православия защищали заблуждения. Особенно в резкой и незаконной форме их вмешательство в церковные дела выражалось в их предписаниях исповедывать тот или другой догмат так, а не иначе. Такие предписания делались ими в форме особых вероисповедных указов... Появление некоторых ересей в христианской Церкви было прямо результатом вмешательства византийских императоров в неподлежащую их ведению область. Ереси монофелитская и особенно иконоборческая обязаны были своим происхождением этой ошибочной церковной политике византийских государей. Довольно резко выступало вторжение государственной власти в дела Церкви и в избрании иерархических лиц, особенно на видные кафедры: часто эти кафедры занимались кандидатами по указанию императоров, без участия церковной власти. Такое отношение светской власти к делам Церкви вызывало протест со стороны поборников церковных интересов. Осия кордубский, Григорий Назианзин, Амвросий медиоланский, Иоанн Златоуст и папа Лев Великий проводили воззрения, что в делах веры светская власть должна подчиняться Церкви, органом которой является священство... Эти взгляды возведены в целую систему блаж. Августином » (6). Итак, в Византии мы видим зарождение двух течений, двух противоположных устремленностей: подлинные столпы православия идут заодно с папством или, по крайней мере, не противодействуют его усилиям объединить Церковь, между тем как нравственно посредственные и склонные к ересям

императорские ставленики на епископских кафедрах, в вопиющую противоположность всем началам Нового Завета, всё более склоняются в сторону подчинения Церкви государству, т. е. в сторону раскола.

Не следует думать, что пагубное наследие римского императорского язычества вредило Церкви только на Востоке. Пока византийские «божественные» цари были самодержцами и на Западе, они, подобно своим предшественникам-язычникам, всячески препятствовали папам в их стараниях удержать епископат на высоте его сверхнационального и сверхполитического призвания и в должной независимости от императоров-священников. И на Западе бывали целые соборы епископов расположенных поддерживать императорские поплзновения и ереси. Сами римские епископы терпели много гонений и унижений со стороны императора; иные из них были просто замучены за то, что защищали независимость Церкви от государства в чисто церковных вопросах, и за то, что защищали отцов Церкви в их борьбе против ересей; другие, духовно менее сильные, лишь вяло противодействовали вторжениям императора в жизнь Церкви. После исчезновения на Западе Византийской империи дух цезарепапизма все-таки остался, и им вдохновлялись разные мелкие италийские властелины, а затем и «римско-германские» императоры, наконец также многие короли Франции, Англии и других государств. Политические системы менялись, но оставалось живучим старое языческое стремление подчинить Церковь государству и препятствовать объединению епископов папами, преемниками «вождя в блаженном лике апостолов». Когда папство слабело и делало лишние уступки сильным мира сего, волны политики и обмирщения заливали Церковь; когда оно становилось духовно сильнее и лучше создавало свой долг руководить епископатом и не подчиняться в церковных вопросах земным монархам,

вся жизнь Церкви становилась более духовной, апостольской, вселенской

В то время как постепенно возрастало значение Рима, как духовного центра всемирной сверхнациональной Церкви, на Востоке становилась всё определеннее и сильнее политическая централизация византийской государственной церкви под властью императорского константинопольского патриарха. « Возвышение константинопольского епископа зависело исключительно от политического значения г. Константинополя, как столицы восточной империи... Все патриархи по своим правам и преимуществам были равны между собою. Но по особым историческим обстоятельствам первенствующее значение между патриархами востока получил патриарх константинопольский » (7).

Единодушное убеждение всего не порвавшего с Церковью епископата — верный критерий религиозной истины; таково учение Католической Церкви. Но к сожалению полного единодушия епископов почти никогда не бывает. Это бесспорный факт, в особенности если иметь в виду эпоху после Константина Великого. Киприан карфагенский полагал, что можно разрешать все сомнительные вопросы при помощи поместных соборов. Но вскоре выяснилось, что такой способ объединять Церковь недостаточен и ненадежен: что делать в случае столь частых в те времена разногласий поместных соборов между собою? и можно ли полагаться на постановления любого собора, когда среди великих древних соборов было много еретических соборов? Так возникла мысль собирать всех епископов на вселенские соборы. На деле эта мысль была осуществлена несколько раз, но очень несовершенным образом, всё из-за стремления императоров придавать « своей » византийской церкви значение вселенской Церкви. Древние вселенские соборы далеко не были собраниями всего епископата или хотя бы только равномерно и справедливо из-

бразных представителей от всех поместных церквей. В то время как в одной северной Африке было более 400 епископских кафедр, на втором вселенском соборе присутствовало только 150 епископов и притом исключительно греческих, императорских. Пятый вселенский собор был тоже гораздо менее многочислен, чем много поместных или еретических соборов. Ни на одном из «семи вселенских соборов» западные поместные церкви не были должным образом представлены. Эти соборы получили значение вселенских не потому, что они могли считаться выражением веры и воли всей Церкви, а потому, что папа римский одобрил для всей вселенской Церкви их догматические определения. Без папы римского вселенский собор немыслим: вот почему на востоке после разрыва с Римом вселенские соборы прекратились, несмотря на то, что возникало столько вопросов первостепенной важности, требующих авторитетного разрешения. Послушаем уже знакомого нам русского ученого канониста Н. Суворова.

«Из перечисленных (семи вселенских) соборов константинопольский 381 года был создан императором только как греко-восточный, без участия запада; но позднее и на востоке и на западе он был признан за вселенский. Константинопольский собор 553 г. при Юстиниане, хотя был создан как вселенский, но в действительности состоялся без участия Рима и лишь позднее был признан за вселенский. И вообще должно заметить, что 1) на вселенских соборах западный христианский мир всегда бывал представлен весьма слабо, сравнительно с количеством восточных епископов, 2) какого-либо правильно организованного представительства от всех отдельных епископских церквей римской империи не существовало, вследствие чего на некоторых соборах число присутствующих епископов не доходило до 200, а на других, напротив, было свыше 600. Случалось так, что высшие епископы брали с собою на собор гораздо более епи-

скопов, им подчиненных, чем сколько требовалось, с тою именно целью, чтобы подавить противников большинством... К каким практическим затруднениям и осложнениям могло приводить отсутствие организованного представительства, всего лучше об этом свидетельствует история III и V соборов... Если бы на Западе проводить принцип согласования церковно-административных округов с государственными, положенный в основание восточной церковной организации, то на западе должно бы было явиться более десяти таких высших епископов в диоцезах трех западных префектур, каковыми были восточные патриархи» (8).

Таким образом, после того как еще в конце III века выяснилось, что поместные соборы неспособны обеспечить единство всей Церкви, в эпоху первых вселенских соборов для всех стало ясным, и подлинно православными пастырями не отрицалось, что вселенских соборов действительно представляющих всю Церковь без высшей вселенской руководящей власти быть не может. Непригодность императорской власти для этой роли была очевидной для всякого политиком не связанного церковного человека. По этим причинам папы, которые охотно шли навстречу пожеланиям императоров на счет момента или места созыва вселенского собора, всегда сопротивлялись стремлениям группы императорских греческих епископов навязывать всей Церкви свои решения. Из постановлений вселенских соборов с самого начала получали для всех обязательную силу только одобренные римским епископом вероисповедные определения и полезные для Церкви каноны.

Суворов, далеко не склонный преувеличивать значение папства и роли римского епископа в древней Церкви, выражается так: «Подчиняя себе запад, римский епископ считал себя призванным к осуществлению высшей церковной власти и на востоке, так как создавшийся на почве римского церковного

предания (9) и со всею ясностью формулированный уже Львом Великим (в V веке) двойной догмат о первенстве апостола Петра над другими апостолами и о преемстве римского епископа в правах апостола Петра не допускал географического ограничения римской церковной власти одним западом... Римский епископ считал своим призванием попечение о всех церквях... Положение церковных дел на востоке в период вселенских соборов было таково, что папе приходилось осуществлять свое попечение в смысле вмешательства в восточные церковные дела, и большею частию это вмешательство не проистекало из собственной инициативы римского епископа, а было вызываемо просьбами с востока же. При постоянной борьбе религиозных партий на востоке и при нередкой поддержке ереси императорами, римским епископам приходилось бесчисленное множество раз писать на восток: то ходатайства и представления к императорам, то послания ободряющие, порицающие, руководственные к восточным патриархам, епископам, духовенству, народу, монахам. Благодаря указанной борьбе, папа весьма часто имел случай выступать в качестве судьи между спорящими сторонами, в то же время своим согласием или несогласием усиливая или ослабляя ту или другую сторону, следовательно, давая чувствовать вес своего суждения... И в позднейшее после сардикского собора (IV век; С. Т.) время папам подавались прошения и апелляционные жалобы. Папа восстанавливал низложенных на востоке епископов, а если это ему не удавалось при жизни безвинно осужденного, настаивал на восстановлении его имени в диптихах церковных. И напротив, патриархов еретического направления папа низлагал, а если фактически оказывалось невозможным провести низложение, настаивал на том, чтобы имя низложенного, по его смерти, было исключено из диптихов церковных. Папы облакали своими полномочиями восточных патриархов и епископов, которые, таким

образом, с римской точки зрения становились в положение папских викариев... Легко понять, насколько не согласовалась с римскими взглядами политика восточных императоров, систематически выдвигавших на первый план епископов новой столицы... Неудачная политика императоров, которые запутывались в ереси, обыкновенно по вине восточных епископов, и всегда находили достаточное число епископов, склонных проводить императорскую политику, которые притом же возвышали епископа константинопольского (во время господства ереси на востоке он был обыкновенно еретиком же) создавала ту почву, на которой крепла «коренившаяся в преданиях древности высшая власть римского епископа»⁽¹⁰⁾. Другими словами, духовная власть римского епископа, коренившаяся в преданиях Церкви апостольских времен, развивалась и крепла по мере того как становилось всё более очевидным, что возглавление Церкви императором есть явление «неудачное», нехристианское, на Евангелии не обоснованное.

Крайне антикатолически настроенный Болотов корбит о том, что православный восток не осуждал папства и скорее содействовал его укреплению. «Римские епископы видели в себе живое воплощение князя апостолов, да так смотрели на них и другие, особенно (значит, не только; С. Т.) на западе»⁽¹¹⁾. Болотов отмечает с печалью, что стремления некоторых епископов к независимости от Рима не были обоснованы: «Автокефальные порывы были лишены твердых оснований»⁽¹²⁾. И еще: «Восток оказал Риму немаловажную услугу... тем, что не проявил во всем объеме своего значения, как замедляющей, сопротивляющейся силы... Нечего ждать откуда-нибудь поддержки против римского приговора... Весьма ясное учение Льва Великого о римском главенстве над всею вселенскою церковью ни в ком не вызвало тревоги на востоке... Борьба с папами со стороны востока велась не с тою энергиею, какая

была бы желательна. Лишь Антиохийский собор 341 года заговорил с римским иерархом языком твердым и решительным... и опротестовал вмешательство пап по существу, и это был, к сожалению, собор полуарианский... Легаты папские являются на соборы... как судьи, и их окружают всевозможным почетом... На востоке о серьезной полемике против папских притязаний вздумали уже слишком поздно, когда они получили авторитет освященной веками древности» (13).

Всё это только частичные признания. Но и они очень поучительны. Еретические и раскольничьи соборы всегда были против Рима, между тем как лучшие элементы восточного духовенства не считали нужным сопротивляться верховному папству римских епископов. И то и другое говорит в пользу «папских притязаний».

(1) Терновский, стр. 228 сл.

(2) Там же, стр. 285.

(3) Лашкарев, стр. 127.

(4) Терновский, стр. 173.

(5) Там же, стр. 244.

(6) Малицкий, II, стр. 214.

(7) Там же, стр. 223 сл.

(8) Суворов, *Учебник*, стр. 37 и 44.

(9) Точнее — вообще церковного предания, в противоположность политическому.

(10) Суворов, *Учебник*, стр. 46-50.

(11) *Лекции*, III, стр. 314.

(12) Там же, стр. 315.

(13) Там же, стр. 316 сл.

IV. - ПЕРВЫЙ ВЕК ПОРАБОЩЕНИЯ ЦЕРКВИ ИМПЕРИЕЙ.

В 313 году римские императоры Константин, на Западе, и Ликий, на Востоке, совместно признали христианство полноправной религией Римской Империи. Несколько лет спустя Константин оказался единственным императором огромного государства, обнимавшего страны окружающие Средиземное море и почти всю западную Европу. Он стал явно покровительствовать христианству. « Император возвратил христианам безвозмездно не только места молитвы, где они собирались до последнего преследования, но и все те прочие здания и недвижимые имущества, которые принадлежали их общинам, т. е. христианским церквам... Константин поддерживал христианство, обогащал храмы, и объявил об освобождении лиц духовного звания от всех общественных обязанностей. ...Так как он всегда был к услугам Церкви, то и вся деятельность его представлялась в хорошем освещении, и именно за это Церковь и была ему так благодарна » (1). « Константин установил день, назначенный для молитв, и предписал, чтобы этот день праздновался по всей римской империи » (2).

Константин был способный и самоотверженный правитель, заботившийся о благе своих народов и повидимому искренно желавший процветания христианства. Но не следует забывать, что он лично стал христианином и принял крещение (кстати, от еретического арианского епископа Евсевия) только за

несколько дней до своей смерти, наступившей в 337 году. Он довольно поверхностно усвоил себе учение Христово. Неподдельное благочестие сочеталось в нем с недопустимою грубостью нравов. В некоторых отношениях он был похож на Петра Великого. Он велел убить побежденного им Ликиния, из слепой ревности он казнил в 326 году своего неповинного старшего сына, Криспа, и вскоре затем велел замучить до смерти свою вторую жену, Фавсту; он казнил и других своих родственников. Он никогда не отказывался от звания «верховного жреца», так что после своей смерти он был причислен язычниками к сонму богов. Идея св. Иринея о значении римской епископской кафедры, как центра Церкви, ему была совсем чужда. Да это и не удивительно: древние представления об императоре, как верховном начальнике служителей религии, были тогда так распространены, что даже многие епископы, склонные к ересям, поддавались им; так 270 африканских епископов, раскольников-донатистов, собравшись на собор, постановили обратиться к Константину за разрешением чисто церковных вопросов. Константин считал вполне естественным пойти навстречу этому желанию. «Константин созвал весьма многочисленный собор в Арелате (в южной Франции; С. Т.) ...и когда собор арелатский ...оказался недостижим цели, в разборы споров и жалоб между донатистами и православными он входил уже исключительно своею властью»⁽³⁾. «Совершая известный религиозно-политический переворот в пользу христианства, Константин Великий совершал его как властный государь, исключительно *мону проприо* (т. е. по собственному почину; С. Т.), руководясь убеждениями личными и указаниями истории; и когда распространял при этом на христианство и Церковь те или иные права религии государственной, или издавал в интересах христианства новые законы, выходил из начал чисто государственного свойства. Ни на какие соглашения

с представительством христианской Церкви нет при этом указаний ни в законах и речах его, ни в свидетельствах историков церковных... Издавая те или иные законы по делам веры и Церкви христианской, или религии народной вообще, Константин В., а за ним и преемники его, руководились не интересами мнимого союза с представительством христианской Церкви, а общими началами древне-римского религиозно-государственного права» (1).

Вряд ли думал Константин о подлинном единстве Церкви Христовой, о том единстве ее, которое будет продолжаться и тогда, когда исчезнут десятки и сотни разных империй. Он, как и его преемники, хотел обеспечить религиозное единство своей *империи*, своего *государственного вселенства*. Царство Божие, предназначенное для всех стран и всех времен, он хотел втиснуть в сравнительно очень узкие рамки Римской империи. Отсюда крутые, искусственные приемы, противоречащие Евангелию, приемы, к которым Константин прибегал в своих впрочем искренних стремлениях обеспечить спайку государственного христианства.

В виду грозной опасности со стороны ариан, отрицавших божескую природу во Христе, епископы желали собраться на «общий» собор. Константин обеспечил материальную к тому возможность и созвал собор в Никею, недалеко от теперешнего Константинополя. Собор этот состоялся в 325 году; на нем присутствовало 314 восточных и только 4 или 5 западных епископов. Собор осудил ариан. В это время император угрозами ссылки загонял еретиков в Церковь. Но после собора он столь же энергично заставлял — всё в виду государственного, не церковного, единства христиан — православных епископов ~~делать~~ уступки еретикам. Мало того. Константин созвал епископов всего Востока и Египта на собор, который и состоялся в городе Тире (в Финикии) в 335 году. На этом соборе преобладали ариане. По их

желанию Константин сослал в город Трир (в западной Германии) одного из величайших столпов православия, св. Афанасия Великого. Так уже при первом христианском императоре началась та трагедия, которая должна была впоследствии привести к отпадению христианского Востока от единства всемирной Церкви: гонение на подлинное православие со стороны императоров, сильных мира сего, стремившихся заменить подлинное единство Церкви своим, политическим единством империи.

Известный русский духовный писатель, епископ Игнатий Брянчанинов, в своем слове « О Православии » говорил: « Римский император, равноапостольный, великий Константин писал письмо святому Александру, патриарху александрийскому, обличителю ересиарха Ария, увещавая его прекратить прения, нарушающие мир *из-за пустых слов*. Этими словами, которые названы *пустыми*, отвергалось Божество Господа Иисуса Христа, уничтожалось христианство » (5). В другом своем письме к св. Александру и к Арию Константин писал: « Во первых, я предположил представления всех людей о божестве соединить как бы в один общий строй; во вторых, возвратить прежнее здоровье целому организму империи... Если бы я установил общее согласие в мыслях между всеми почитателями Бога, то это принесло бы пользу и управлению государственному » (6). За этими и подобными словами скрывается глубокий корень византийского раскола.

« Отношения Церкви к государству, как они сложились в царствование Константина, конечно не идеальны. Император... позволяет себе довольно часто вмешиваться в дела Церкви. Не став еще ее сыном, он действует как ее покровитель, даже как руководитель... Его окружает душная атмосфера придворной лестницы » (7).

Папы римские одобрили догматические постановления Никейского собора и отвергли Тирский собор.

Таким образом съезд восточных епископов в Никее получил для всей Церкви значение вселенского собора, а Тирский собор навсегда остался в числе отвергнутых Церковью соборов. О св. Сильвестре, папе римском во время Никейского собора, восточная Церковь поет в богослужебных книгах (2 января): «Верховник явился еси священного собора, священнотаинниче, и верховника учеников украсил еси престол. Ересей, Сильвестре, лесь отгнал еси, паству упасл еси. ...Яко божественный верховник священных Отцов, священное учение утвердив, еретиков заградил еси уста».

Заметим еще, что Никейский собор (канон 6) подчинил всех епископов каждой области одному митрополиту и таким образом, на деле, отверг мнение, что всякий епископ ответствен за свои слова и поступки только перед Богом.

После смерти Константина Великого (337 г.) императором Востока стал его сын Констанций, отъявленный еретик. Св. Афанасий вернулся было из ссылки, но не надолго, «Констанций выступил горячим защитником арианства... Православные были для него ненавистны. Опираясь на его сочувствие, арианские епископы на соборе в Антиохии (341 г.) осудили Афанасия. Афанасий удалился на Запад к папе Юлию. Юлий сочувственно принял страдальца; на соборе он осудил действия врагов Афанасия, а его признал законным архиепископом Александрии» (8).

Еще незадолго до этого собора папа Юлий писал к враждебным Афанасию восточным епископам: «Почему же не писано было к нам особенно о церкви Александрийской? Или не знаете, что было это обыкновение, — прежде писали к нам, и здесь уже решалось, кто прав. Итак, если падало какое подозрение на тамошнего епископа, надобно было написать к здешней церкви... Что пишу, то служит к общей пользе. Ибо что приняли мы от блаженного апостола Петра, то и объявляю вам». Письмо это св. Афа-

нашего приводит в своем повествовании об арианской скуте (*). Ему, конечно, и в голову не приходило протестовать против этого проявления папского главенства.

Но ариане не успокоились и не подчинились. Тогда решено было созвать большой собор из западных и восточных епископов. Собор этот состоялся в 343 году в Сардике (теперешняя София в Болгарии). По своему составу это был гораздо более « вселенский » собор, чем все древние официально вселенские соборы: на нем присутствовали лучшие, не зараженные ересью епископы Испании, Франции, Италии, Африки, Балкан, Греции, Палестины, Аравии, Египта, и т. д. Если папы не сочли нужным причислить Сардикский собор к вселенским, так это только потому, что на нем никакое учение не было догматически определено. Тем не менее, « Сардикский собор, из почтения к памяти апостола Петра, признал за римским епископом высшую судебную власть для целей Церкви (правила 3-5). Это признание имело тот смысл, что, в случае жалобы несправедливо осужденных восточными соборами епископов, папа, как скоро он найдет жалобу основательную, может составить новый собор для переисследования и перерешения » (10). Итак, уже в IV веке лучшие элементы епископата сознавали, что на папе римском лежит обязанность следить за правильным осуществлением соборного начала и утверждать или отвергать решения соборов. « Сардикийские отцы, оправдая свои деяния, в силу соборного положения, на утверждение папы Юлия I, писали ему, что правильно священникам относиться отовсюду к главе, т. е. к апостольскому престолу. Правила были присоединены к свитку Никейского собора, т. е. объявлены обязательными для всей Церкви » (11).

Браги Афанасия и Церкви не дремали. Система управления Церкви « христианским императором » им была весьма на руку. « Император Констанций, сделавшись единодержавным правителем империи, ре-

шился теперь окончательно сокрушить православие... Констанций не стеснялся никакими мерами насилия против православных... Многие епископы, имевшие мужество защищать Афанасия, отправлены были в ссылку, а их кафедры отданы были арианам. После этого Констанций отдал приказ силою выгнать Афанасия из Александрии» (12).

« В лице Констанция мы в первый раз в истории встречаем тип богослова на престоле... Император вмешивается в выбор епископов константинопольских, приходит в ярость, когда узнает, что эта кафедра замещена без его соизволения... Но чаще всего прикрывает себя авторитетом какого-нибудь собора. Едва ли когда собиралось так много соборов, как при Констанции... Что свободы на этих соборах было не много, это можно предположить с первого раза. Хитрые махинации придворных епископов, тонкий по форме, но сильный нравственный гнет, были еще не последними средствами к тому, чтобы превратить эти церковные учреждения в слепое орудие арианской партии. На Миланском соборе 355 года император потребовал от епископов прямо и решительно, чтобы они подписали осуждение Афанасия. Те заявили, что это будет против канонов. *Чего я хочу, то вам и канон*, загремел на них император: — *епископы сирийские позволяют мне говорить таким образом; или повинуйтесь, или и вам быть в ссылке*. Западные епископы имели настолько присутствия духа, что подняв руки к небу, смело опротестовали эту новую формулу отношений между Церковью и государством, которую терпеливо выслушали их сирийские собратья, напомнили императору, что его царство принадлежит не ему, а Богу,... напомнили ему о будущем суде, и советовали... не смешивать власть над римскою империею с церковным управлением. Эти отцы Миланского собора не утрастились даже и тогда, когда император вздумал угрожать им обнаженным мечем, и мужественно отправились в далекое изгнание. Папа Либерий столь

же твердо выдержал допрос императора и отправился в ссылку, отвергнув предложенную ему императором и императрицею сумму в 500 золотых, сказав, что она нужнее самому императору — на наем солдат, а то, может быть, и придворных епископов» (13).

Чуть ли не все епископские кафедры вскоре оказались в руках еретиков или иерархов равнодушных к вопросам веры. Последовал ряд соборов, на Востоке и на Западе, которые высказывались в пользу ереси. Об этой печальной эпохе св. Иероним (14) писал: «Застонал весь мир и с удивлением увидел себя арианским».

Испанский епископ Осия, представлявший папу еще на Никейском соборе, смело писал императору: «Перестань, умоляю тебя, вспомни, что и ты человек смертный, убойся дня судного, сохрани себя на оный чистым. Не вступайся в дела существенно церковные и не давай нам приказаний относительно их; а лучше, принимай учение от нас. Тебе вручил Бог царство, а нам вверил дела Церкви... Ты, царь, не имеешь власти приносить кадило... Не подпишусь к осуждению Афанасия, которого мы, римская Церковь и целый собор, оправдали... Удержись... На суде будешь отвечать один... Перестань, умоляю тебя». Св. Афанасий, который приводит это письмо в своем повествовании об арианстве, также горячо защищает евангельский принцип независимости Церкви от государства (15). «В эпоху близкую ко времени Никейского собора знаменитейшие защитники церковной свободы высказываются против участия чиновников на соборах... Собор с участием чиновников Афанасий Великий противопоставляет истинно церковному синоду, как *еретический* православному. Если император хочет церковного мира, говорил папа Либерий, то пусть соберется церковный собор вдали от дворца, пусть на этом соборе не присутствует император, не является комит (придворный чиновник; С. Т.), не приходит с угрозами наместник провинции» (16). Афанасий, как

и папы и все лучшие представители древнего православия, прекрасно понимал, что беда и « ересь » не только в том, что император еретик, а главным образом в том, что он в своей религиозной политике, придерживаясь языческих взглядов, берет на себя роль объединителя Церкви. Вся последующая борьба значительной части восточного епископата против папства коренится в этой императорской ереси.

Папа Либерий был мужественным защитником св. Афанасия пред императором. Вот почему Констанций сослал папу во Фракию, где он был подвергнут разным мучениям, под влиянием которых он впал в такое психическое состояние, что подписал так называемую « третью сирмийскую формулу », вполне православную, но не выражавшую ясного осуждения арианства и потому нежелательную. Сам св. Афанасий считал Либерия неповинным в этом деле ⁽¹⁷⁾. « По освобождении своем папа Либерий продолжает борьбу с арианством: он прилагает старания к восстановлению св. Афанасия, не признает постановлений арианских соборов в Аримини и Селевкии, утверждает решения православного собора в Александрии. Восточные епископы пишут папе, как единомышленные с ним в вере » ⁽¹⁸⁾. И греческая и русская церковь признают Либерия святым. В русской Четье Минее (27 авг.) сказано, что св. Либерий « о правоверии много подвизася ».

В 364 году на императорский престол вступил Валент, тоже яростный арианин и приверженец старой римской традиции возглавления Церкви не вселенским первосвященником, а императором. « Нетерпимость Валента выразилась прежде всего в том, что он изгонял православных епископов и замещал их арианами... В 370 году православные обитатели Константинополя, будучи притесняемы арианами и надеясь найти более беспристрастия в императоре, отправили к Валенту до 80 клириков с жалобой на ариан и с просьбой о защите. Император разгневался,

но скрыл свой гнев, и поручил префекту Модесту казнить жалобщиков. Клириков посадили на корабль, как бы для того, чтобы везти их в заточение. Среди моря корабельники, согласно распоряжению префекта, высадившись в лодку, подожгли корабль... Клирики частью сгорели, частью потонули » (19).

Св. Василий Великий, один из знаменитейших отцов Церкви (20), был как раз в это время епископом. Он тоже не одобрял принципа управления Церкви светскою властью, императором. Император его конечно недолюбливал. « Император в день Богоявления (371 г.) пришел во храм, где священнодействовал Василий и был поражен многочисленностью молящегося народа и благоговейным служением самого св. Василия. Это не помешало впрочем Валенту вскоре после сего подписать приговор, осуждавший св. Василия на изгнание » (21). Всё то же: сторонники цезаропапизма — враги папства и православия.

Как Афанасий, так и Василий искал поддержки на Западе, у папы римского. Он даже упрекал папу за его недостаточно решительное, по его мнению, вмешательство в дела восточных церквей. Папе Дамасу св. Василий писал в 371 г.: « Мы ожидали, что единственным избавлением от этого (постоянных еретических волнений; С. Т.) будет посещение вашего сердоболия..., укреплялись в духе радостным слухом, что посетите нас как-нибудь. Но надежда наша не исполнилась; и не удерживаясь долее, приступаем к письменному изложению нашего прошения, чтобы восстали вы на помощь нашу и прислали кого-либо из единомышленных с нами, и они бы, или сблизили ставших между собою далекими, или привели опять в содружество церкви Божии, или яснее показали вам виновников неустройства... Без сомнения же, мы требуем не нового чего, но бывшего в обычае и у прочих древних блаженных и боголюбивых мужей, а особенно у вас... Ныне дела наши требуют усильнейшего попечения...; если теперь не подвигнетесь на помощь,

то через несколько времени не найдете, кому подать руку, потому что все будут покорены преобладающей ересью » (22).

После ряда императоров еретиков на византийский престол вступил наконец православный император — Феодосий Великий (379-395). К сожалению и он был пропитан « римской идеей » главенства императора в религии. В 381 г. он созвал собор восточных епископов, который и состоялся в Константинополе. Еще перед этим « Феодосий обнародовал свое исповедание веры, как обязательное для всех его подданных в указе, имевшем тон военного деспотизма » (23). На собор явились епископы нескольких стран востока, далеко не всех; всего членов собора было 150 человек. Впоследствии догматические определения этого собора были признаны папой римским правильными, так что и сам собор стали считать вселенским. Собор определил веру в Божескую природу Духа Святого, до тех пор оспариваемую многими.

« Но с именем этого собора связан и грустный факт — вынужденное удаление Григория Богослова с константинопольской кафедры. Возведением Григория на эту кафедру не все были довольны. В Египте имели в виду заменить ее (его? С. Т.) своим кандидатом... Египетские епископы на соборе повели теперь интригу против Григория... Его упрекали в том, что он не воспользовался переменою внешних обстоятельств, ревностью самодержца, чтобы отплатить арианам за то зло, которое причинено ими православным... Вместо Григория избран был престарелый сенатор Нектарий, еще не крещеный » (24). Итак, св. Григорий Богослов, один из величайших отцов Церкви, был устранен за то, что он был противником чрезмерной зависимости епископов от императорской власти, т. е. за то, что он придерживался начала самостоятельности Церкви Христовой.

Терновский пишет: « Император Феодосий не оказал поддержки св. Григорию, и св. Григорий должен

был удалиться из столицы, нельзя сказать, чтобы без сознания того, что с ним поступают несправедливо... Св. Григорий сам был слишком серьезен, слишком неподвижен, слишком аскетичен, слишком — можно сказать — непрактичен для того, чтобы быть столичным епископом... Когда во главе православия стал сам император, то оказалось, что нравы и привычки св. Григория нисколько не согласовались с придворной обстановкой. Этого не мог не видеть имп. Феодосий, и даже сам св. Григорий в этом находил себе утешение: «...не буду целоваться окровавленных рук или ласкать подбородков, чтобы добиться небольшой милости» (25).

О том же константинопольском вселенском соборе Болотов со своей стороны пишет: «Дела и здесь пошли не совсем тихо и мирно: некоторые его заседания казались Григорию Назианзину (т. е. Григорию Богослову; С. Т.) собранием журавлей. Отклоняя впоследствии одно приглашение на собор, он написал: я принял за правило не являться на эти собрания. Много я видел на своем веку соборов, но не помню ни одного, после которого дела пошли бы лучше, чем прежде» (26).

В символе Веры, принятом на этом соборе, Церковь названа «католикэн», то есть католической, вселенской (27).

На соборе 381 года преобладали епископы, желавшие возвышения «придворной» епископской кафедры и, как мы только что видели, враждебно относившиеся к таким защитникам независимости Церкви от государства, каким был св. Григорий Богослов. Они то и составили так называемое «третье правило». Вот оно: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести после римского епископа, так как Константинополь есть новый Рим». Этим злополучным каноном вся иерархичность Церкви переносилась с почвы апостольских преданий на почву чисто земной, мирской политики. Это было

первое « каноническое » выражение старой римской не-христианской идеи о непосредственной зависимости иерархии от кесаря. « Третье правило » было составлено также в разрез постановлениям первого вселенского собора о митрополичьих кафедрах. Большинство епископов христианского мира отвергли конечно этот « канон », только сторонники императорского направления в жизни Церкви цепко ухватились за него, что и привело к весьма печальным последствиям. По поводу « третьего правила » историк С. П. Шестаков пишет: « Константинополь — *новый Рим*. Последнее положение устанавливало важный принцип, который мог ясно повести к цезаропапизму... Решение это было принято на Востоке с сомнением, а отличие Константинополя, если и было вообще допущено, признавалось лишь как чисто почетное. В Риме оно совсем не было признано » (28).

В эту же эпоху жил на Западе великий Амвросий медиоланский, бесстрашный борец против арианства и противник объединения Церкви императором. Он « не допускал вмешательства государства в дела Церкви » (29). Как и все великие отцы Церкви, он перенес много гонений со стороны сильных мира сего. Феодосий уважал его и охотно принимал от него уроки человеколюбия; но западные императоры причиняли ему не мало трудностей и огорчений. « В 385 г. Амвросий медиоланский получил приглашение явиться по делу о своем споре с арианским епископом Авксентием в императорскую консисторию. Третейским судьей между ними хотел быть сам император Валентиниан II, находившийся под сильным влиянием своей матери Юстины, ревностной арианки. Вот что ответил императору в своем письме Амвросий: Когда же ты слышал, всемилостивейший император, чтобы в деле веры миряне были судьями епископа?... Если епископ должен учиться у мирянина, то что же выйдет?... Но кто же это может отрицать, что в вопросах веры..., не императоры бывают судьями над

епископами, а епископы над христианскими императорами... Пожалуйста, не воображай, государь, что ты имеешь какое-нибудь императорское право и над божественными предметами... Император в церкви, а не выше церкви»⁽³⁰⁾.

Конец IV и начало V века ознаменованы гонениями, которым был подвергнут еще один столп древнего православия, св. Иоанн Златоуст, со стороны императорской власти и покорных ей епископов. Главным врагом святителя была императрица Евдоксия, жена слабовольного императора Аркадия. Призванный на константинопольскую архиепископскую кафедру, «Иоанн Златоуст скоро сделался любимцем столичного населения... Ему завидовали не только его собратья — епископы, но и сама императрица, стоявшая во главе светского правительства, считала его влияние на народ чрезмерным и опасным... Любимою темою бесед И. Златоустого было обличение алчных и жестокосердых богачей, а также женской суетности... Против ненавистного архиепископа был поднят поход...под предводительством Феофила, патриарха александрийского. Собранный Феофилом из врагов Златоуста собор, в виду столицы в Дрисе близ Халкидона, осудил св. Иоанна на низложение с кафедры между прочим и за оскорбление величества в лице императрицы Евдоксии... Повинуясь царскому указу, осуждавшему его на изгнание, св. Иоанн удалился из столицы... Мог ли Златоуст искренно уважать епископский суд, когда в большинстве современных епископов видел честолюбивых и коварных интригантов? Никого я так не боюсь, как епископов, писал Златоустый впоследствии»⁽³¹⁾. Златоуст был очень скоро возвращен из ссылки, но не из уважения к Церкви, а из-за какого-то суеверного страха императрицы. Но святой обличитель придворной распущенности не переменялся и вновь начал обличать безнравственность. «Императрица... требовала мщенья; сам император, вышедши из своей обычной апатии, сказал, что пора

уже покончить с этим обличителем. По закону епископ должен быть судим себе равными; с этой стороны конечно не представлялось затруднения к осуждению Златоустого, так как между тогдашними епископами было много придворных угодников... Личное влияние Златоустого и сила его красноречия казались так опасны, что и на этот раз враждебные Златоустому епископы, собравшиеся в императорском дворце, предпочли осудить его заочно... Аркадий решился низложить св. Иоанна, и 20 июня 404 г. Златоустый был отправлен в ссылку... Он был отправлен на заточение в армянский город Кукуз, где много страдал... Преемником Златоустого на столичной кафедре был 80-летний Арсакий, брат прежнего архиепископа Нектария, человек *красноречивый как рыба*. Правительство очевидно с намерением избрало слабого духом архиепископа, потому что сильный духом пришелся уже очень тяжел. Крайняя древность и незначительность Арсакия не мешала ему сурово преследовать иоаннитов (сторонников св. Иоанна Златоустого; С. Т.). ...Преемником Арсакия был Аттик, человек более способный, но не более расположенный к Златоустому. Напротив, при Аттике гонения против иоаннитов усилились, и самому св. Иоанну присуждено было отправиться в более дальнюю ссылку, где бы его авторитет не мог тревожить враждебных ему иерархов, сидевших на главных кафедрах востока... Суровые воины повели Златоустого пешком, подвергая его всем трудностям гористого пути и переменной погоды... На пути он скончался в гор. Команах... Подвижник сирийский Нил писал к имп. Аркадию: несправедливо послал ты в изгнание предстоятеля Византии Иоанна, это великое светило вселенной... Более горячо заступался за св. Иоанна римский папа Иннокентий, который вместе с западным императором Гонорием предлагал созвать новый собор епископов для пересмотра дела о Златоустом. Аркадий оставил это предложение без ответа... » ⁽³²⁾.

В статье *Православной Богословской Энциклопедии* о Златоустом два крупных собора осудивших этого столпа православия названы «сонмищем» и «шайкой» (33). Шестаков пишет о трагедии Златоустого: «Здесь слышится уже контраст западной и восточной половины империи в вопросе об отношении светской власти к церковной. Папа писал духовенству и народу Константинополя о неправом осуждении Иоанна и вступлении на трон его преемника Арсакия. Единственное средство поправить дело папа видел во вселенском соборе, созвать который он брался. Златоусту он писал с дружеской симпатией, внушая ему не терять бодрости... В письме Аркадию императора Гонория, несомненно продиктованном папою, провозглашается принцип: *истолкование божественных предметов дело служителей церкви, наше (светской власти) дело соблюдение требований религии*. Гонорий строго осуждал поступок Аркадия с патриархом» (34). «Когда папа Иннокентий потребовал пересмотра дела Златоуста на вселенском соборе, его требование в Константинополе оставили без последствий, как оскорбительное для верховной власти... Златоуст (по другому случаю; С. Т.) заявил, что благочестивый император не должен посягать на права церкви» (35).

Итак, к концу этого первого столетия после «выхода Церкви из катакомб» смутно, но во вселенском масштабе, обрисовываются контуры как бы двух лагерей: 1) лагеря сторонников чисто церковного предания и евангельской независимости Церкви от государства, и 2) лагеря сознательных и, чаще всего, бессознательных приверженцев применения к христианству старой римской идеи возглавления религии императором. В первом лагере мы находим: величайших отцов Церкви, знаменитейших богословов и архипастырей — Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Амвросия, Златоустого; ряд святых подвижников; всех пап этого периода; лучшие элементы епископата. Во втором лагере собрались

жестокие гонители упомянутых отцов Церкви и пап; почти все императоры; разные « сонмища и шайки » придворных епископов, тех « журавлей », по выражению св. Григория, которые создали « третий канон второго вселенского собора »; и множество посторонних авантюристов.

Епископы навязанные Церкви государством в большинстве случаев не были на высоте своего звания. Это породило длинный ряд крупных еретических соборов. К концу этого периода стало ясно, что епископат предоставленный самому себе, как множество « равных », почти всегда неспособен объединять всю Церковь и нуждается в высшем руководящем, его самого объединяющем начале, в верховной « инстанции ». Где эта инстанция? Предстоял выбор между двумя решениями: или папа, как решили отцы Сардикского собора, единственного собора этой эпохи, на котором все главные части тогдашнего христианского мира были достаточно представлены; или император, как того желали сами властелины и менее достойная часть духовенства.

Наступил период долгой борьбы чисто церковного начала возглавления верующих соборностью епископов, объединяемых верховным первосвященником, с до-христианским древне-римским принципом возглавления религии императором самодержцем.

(1) Бускэ-Костылев, *Греческий раскол*, Париж 1925, стр. 2.

(2) Лашкарев, стр. 85.

(3) Там же, стр. 92.

(4) П. Лашкарев, *Право церковное*, Киев 1886, стр. 164 сл. Во избежание недоразумений заметим, что в других местах настоящего очерка, упоминая Лашкарева, мы имеем в виду другую его книгу, именно *Отношение римского государства к религии*, Киев 1876.

(5) См. *Православная Русь* от 15 февраля 1950 г., стр. 4.

(6) У Лашкарева, стр. 103.

(7) Болотов, *Лекции*, т. III, стр. 51.

(8) Малицкий, II, стр. 63.

(9) Творения иже во святых отца нашего Афанасия Великого, Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902, том I, стр. 329.

(10) Суворов, *Учебник*, стр. 47. «Целей», повидимому, опечатка; по смыслу правил читай «целой».

(11) Волконский, стр. 227.

(12) Малицкий, II, стр. 63.

(13) Болотов, т. III, стр. 53 сл.

(14) Знаменитый учитель и столп Церкви, великий аскет и лучший в те времена толкователь Св. Писания. Умер в 420 году.

(15) Творения, том II, стрр. 141 и 148.

(16) Болотов, III, стр. 322.

(17) Иные антикатолические полемисты напрасно усматривают в этом происшествии аргумент против догмата папской безошибочности. Упомянутый догмат касается только вполне сознательных и свободных вероисповедных определений, когда папа ясно и торжественно заявляет, что он выступает как верховный учитель пастырей и пасомых и требует от всех послушания. Ничего подобного в данном случае не было.

(18) Волконский, стр. 295.

(19) Терновский, стрр. 112 сл.

(20) Весьма влиятельных и святых богословов.

(21) Терновский, стр. 115.

(22) Творения св. Василия Великого, Сергиев Посад, 1892, ч. VI, стр. 161.

(23) Терновский, стр. 121.

(24) Малицкий, II, стр. 76.

(25) Терновский, стр. 126 сл.

(26) Болотов, III, стр. 322.

(27) Греческое прилагательное «католикос» обозначает «всеобщий», «универсальный». Выражение «Католическая Церковь» мы встречаем уже в сочинениях христианских писателей II века. В самом древнем из дошедших до нас переводов символа Константинопольского собора мы находим: «во единую, святую, кафоликию и апостольскую церковь». «В Православном Догматическом Богословии известного богослова прот. Н. Малиновского [1909, т. III, стр. 513] мы читаем: «Наименование Церкви соборною в славянском переводе символа — не первоначальное. ...Перевод словом *соборная* принят уже после. Но такой перевод признают не точным, не соответствующим главному и наиболее употребительному понятию подлинника... Кафоличность Церкви нужно понимать в смысле... предназначения ее для всей вселенной безизъятно... Для жизни Церкви заповедуется, что она должна направляться не к автономическому обособлению частей, а к централизующему объединению их во всей вселенной».

- (²⁸) *Лекции по истории Византии*, Казань 1915, том I, стр. 157 сл.
- (²⁹) *Правосл. Богосл. Энциклоп. Словарь*, изд. Сойкина, стр. 139.
- (³⁰) Болотов, III, стрр. 74-76.
- (³¹) Терновский, стрр. 143 сл.
- (³²) Там же, стр. 146 сл.
- (³³) Том VI, ст. 923 сл.
- (³⁴) Шестаков, стр. 84.
- (³⁵) Болотов, III, стр. 80.

V. - ВРЕМЯ СВ. ЛЬВА ВЕЛИКОГО.

IV и особенно V век были эпохой мощного развития церковной жизни. Кипела богословская работа, выяснялся точный смысл таких понятий как *ипостась* (личность), *естество*, *природа* и других, имеющих огромное значение для догматических определений относящихся к учению о Святой Троице и о воплощении Слова. Употребление благочестивых изображений для назидания верующих и украшения храмов, существовавшее уже во II веке, в IV веке становится настоящим почитанием икон; в V веке оно получает большое распространение. Стремление к святости путем подвижничества в монашеских общежитиях, состоявшего главным образом в полном послушании одному общему настоятелю или игумену, введенное св. Пахомием, достигло в V веке небывалого расцвета; иные ставили себе вопрос: не может ли, не должна ли Церковь быть как бы одним вселенским монастырем, где все стремились бы к совершенству в послушании одному общему первосвятителю (1)? В V веке появился ряд новых праздников. Богослужение было усовершенствовано.

Можно было ожидать, что общий духовный подъем выразится также в лучшем осознании роли папства в Церкви, как независимом от государства теле Христовом, и в укреплении авторитета римского епископа. Так оно и было на самом деле. Папы V-го века смелее, чем их предшественники, отстаивают независимость и иерархическое единство Церкви от пагуб-

ных и всё более настойчивых попыток светских властелинов и придворных епископов направить Церковь по пути преобразования ее в государственную религию и императорское учреждение. Папству предстояло защищать Церковь от подчинения ее мировому государству « божественных » кесарей.

В первой половине V века в « гнезде ересей » появилась новая ересь: несторианство.

« Сущность ереси Нестория заключалась в учении, что Иисус Христос не был Бого-человеком: Бог Слово соединялся с ним не по существу, а по благодати... Поэтому его нужно называть не Богом, а Богоносцем. Равно и Пресв. Дева не должна называться Богородицею... В 428 г. Несторий, по распоряжению императора Феодосия II, назначен был на столичную кафедру архиепископом... Решительным борцом против несторианства выступил св. Кирилл, архиепископ александрийский... Император сделал сильный упрек Кириллу... Но зато в Риме начатая Кириллом борьба встретила полное сочувствие. Папа Целестин повел дело очень торопливо. Получив послание Кирилла, он на соборе осудил учение Нестория и назначил ему десятидневный срок для отречения от своего учения; в противном случае грозил ему отлучением от Церкви. Несторий не придавал никакого значения постановлению Римского собора... Заручившись сочувствием папы, Кирилл, не обращая внимания на выраженное ему неудовольствие императором, повел решительно дело » (2). Дело осложнялось, желателен был вселенский собор. Император назначил для собора город Ефес в Малой Азии. Кирилл открыл собор 22 июня 431 г., не ожидая епископов подвластных антиохийскому патриарху Иоанну, благосклонно относившемуся к Несторию. Эти епископы по прибытии своем в Ефес образовали свой особый собор. « Таким образом одновременно в одном городе образовалось два собора епископов, враждебные друг к другу, из которых каждый считал себя святым, православным, вселен-

Халкидоне, недалеко от Константинополя. Съехалось 630 епископов (по некоторым историческим памятникам — 530) в большинстве своем из восточных стран. Тогда уже царствовал новый император Маркиан. На этом соборе «были читаны послания Кирилла..., послание Льва к Флавиану, при котором епископы восклицали: *так сказал через Льва Петр, так учили апостолы*. Диоскор... требовался к суду... Римские легаты... от лица епископа Льва объявили, что он лишается епископского сана... Весьма многие епископы восклицали, что они, притесненные Диоскором в Ефесе, вынуждены были мыслить, говорить и писать то, чего не следовало... Им приказано было, чтобы каждый из них написал от себя особое изложение своего исповедания и веры. Они написали, и, признав послание Льва за непогрешительную норму православного учения, легко получили прощение» (?).

Во время всего этого религиозного кризиса мы видим такую картину: Евтихий и Диоскор, как все *без исключения* еретики, бросают анафемы на папство и послушных папе иерархов, между тем как подлинно православные иерархи — например, св. мученик Флавиан — повинуются папе и принимают его догматическое послание, как высшую норму веры. Папа св. Лев Великий, которого православные богослужебные книги славят как «главу Православной Церкви Христовы»⁽⁸⁾, мужественно отстаивает догматическое и иерархическое главенство преемников Петра и этим спасает православную соборность.

Как лучшие епископы той эпохи понимали единство Церкви, видно, например, из послания св. Петра Хрисолога, грека, епископа Равеннского, к Евтихию: «Советуем тебе, чтобы ты с покорностью внимал всему, что написано блаженнейшим папою города Рима: потому что св. Петр, который живет и восседает на своем престоле, открывает ищущим истину веры. Ибо мы, по любви к миру и вере, помимо согласия епископа Римского, но можем расследовать

о предметах веры» (9). Так же думали и наиболее благочестивые члены императорской семьи.

В официальном послании папы св. Льва к вселенскому собору мы читаем: «Я присуц вам возвещением кафолической веры..., не можете сомневаться в том, чего мы желаем. Поэтому, совершенно отложив дерзость спорить против веры, от Бога нам внушенной, пусть умолкнет суетное неверие..., потому что, на основании евангельского авторитета, пророческих внушений и апостольского учения, весьма ясно и полно изложено было в наших посланиях, которые мы послали к блаженной памяти Флавиану, каково должно быть благочестивое и искреннее исповедание» (10). Тезис ясен: в вопросах веры вселенский собор должен руководиться верою «внушенною Богом» папе. Если бы это догматическое учение было «новшеством», весь христианский мир должен был восстать против него и соборно осудить его автора как еретика, тем более что св. Лев проводил это учение в многочисленных своих посланиях к разным восточным иерархам, монахам, клирикам, мирянам. А произошло как раз обратное: Халкидонский собор принял послания Льва с сыновним уважением, православные святые видели в них доску спасения от ересей, православная Церковь причислила папу Льва к лику святых, а древние православные церковные историки называли его «Великим».

На собраниях собора папские легаты часто и недвусмысленно излагали тот же взгляд на главенство папы (11). Папа определяет, кто имеет право голоса на соборе (Напр., относительно епископа Феодорита); собор вовсе не протестует; выражают неудовольствие только некоторые еретически настроенные придворные епископы. Почти все отцы собора с восторгом принимают послания Льва и восклицают: «Петр так вещал». Отцы Халкидонского собора доказывают православие св. Кирилла александрийского тем, что папы Келестин и Ксист «утвердили слова Кирилла».

« Положение римского папы Льва на IV вселенском соборе было руководящее и господствующее. По его настоянию был созван собор. Его догматическое послание служило как бы краеугольным камнем для соборных обсуждений и решений » (12). Изложив учение св. Льва о безусловном главенстве папы над всеми епископами, Болотов признает, что в этом учении « на юридической почве были уже даны все прерогативы, какие потом были утверждены на Ватиканском соборе » (13). « Весьма ясное учение Льва Великого о римском главенстве над всею вселенскою церковию ни в ком не вызвало тревоги на востоке » (14). Это обобщение неудачно. В подлинно православных церковных кругах, конечно, не было никакой « тревоги » из-за учения и деятельности папы Льва I; наоборот, мы там чаще всего встречаем вполне сознательное признание этого учения. Зато среди еретиков и в придворных кругах « епископов-угодников » была большая « тревога ». Тревога константинопольских « угодников » выразилась в появлении так называемого « 28-го канона Халкидонского собора ».

В этом каноне говорится, что « отцы, не без основания, даровали преимущества престолу древнего Рима, ибо этот город был императорской столицей... Город (Константинополь; С. Т.), почтенный присутствием императора и сената и пользующийся теми же преимуществами, что и древний императорский Рим, должен и в духовном отношении иметь те же преимущества и быть вторым после Рима ». Из самого содержания этого канона видно, что он вовсе не церковного, а политического происхождения. Уже в первые века главенство пап признавалось вовсе не из-за « императорского города », а из-за « кафедры апостола Петра ». Этот лже-канон не был составлен вселенским собором, а одними греческими епископами, неканонически назначенными на епископские кафедры императорскою властью, тою самою властью, которая поддерживала еретиков против православия. В то

время как часть епископов (египетские) уже возвратились к себе на родину и большинство членов собора с легатами были заняты делом Максима антиохийского, 183 греческих иерарха (из 630 членов собора) самочинно прибавили этот политический « канон » к 27 канонам уже принятым всем собором ⁽¹⁵⁾. По этому поводу даже Болотов замечает, что « Халкидонский собор (вернее -- собрание придворных епископов; С. Т.) есть истинное порождение национального характера греков, непрямого, почти лукавого » ⁽¹⁶⁾. Этого « канона » нет не только в древних западных « собраниях канонов », но и в многих восточных. « Римские епископы приписывали себе право утверждать или, напротив, кассировать соборные постановления, как сделал это, например, тот же папа Лев Великий, имея в виду 28 халкидонский канон » ⁽¹⁷⁾.

Интересно, что даже сочинители « 28-го канона » сознавали невозможность придать этому постановлению вселенское значение без согласия папы: называя Льва своим « главою » и « отцом », они умоляли его утвердить их политическую затею. Лев I конечно отказал им в этом.

В некоторых древне-славянских переводах номоканона ⁽¹⁸⁾, в примечании к злополучному канону мы читаем: « Не верно, как утверждает этот канон, что святые отцы присвоили первенство древнему Риму в силу того, что он был столицей империи; источник примата лежит выше, в Божией благодати. В силу великой веры своей, Петр, верховный апостол, услышал из уст Спасителя слова: *Петр, любишь ли Меня? паси овец Моих*. Вот почему среди иерархов он занимает первенствующее положение... Достоинство и преимущество первосвященника были установлены не благоволением светской власти, но по Божественному избранию... Как же возможно теперь во имя царя земного перемещать Божественные дары...? Преимущества древнего Рима пребудут до конца; так думают все церкви. В силу своего первенства перво-

священник Рима не обязан являться на все священные вселенские соборы, но без его участия... всякий вселенский собор недействителен, а постановления собора утверждаются первосвященником лично ». Проф. А. Павлов вескими соображениями установил, что это опровержение 28 канона внесено в первый славянский перевод номоканона одним из двух святых братьев просветителей славян, св. Мефодием, который при хиротонии дал присягу « признать папу, как преемника апостола Петра, главою всей Церкви » (19).

Еще слабее аргумент против римского примата, основанный на мнимой гордости св. Льва Великого. Кто читал творения этого подлинно великого отца Церкви, кто знаком с его жизнью, хоть бы только по данным православных Мес. Миней, для того очевидна вся несостоятельность подобной клеветы. Если такой подвижник, как св. Лев, гордец, то и вся Церковь причислившая его к лику святых страшно заблудилась.

Между тем западные отцы Церкви вырабатывали догматику единства Церкви. В этом отношении особенно замечательны св. Опат, епископ Милевский, живший еще в IV веке, и после него св. Августин, гениальнейший христианский мыслитель. Оба они настаивали на соборном единении всего католического епископата, осуществляемом через единение всех с римской кафедрой.

Кн. Евгений Трубецкой в следующих словах передает учение св. Опата: « Истинно вселенская Церковь есть та, которая в порядке непрерывного преемства связана с верховным апостолом св. Петром и через него — с самим Спасителем... Ключами спасения обладает только та церковь, которая сохраняет связь с апостольской, римской кафедрой; в силу этого она и есть истинно вселенская, католическая Церковь. ...Примером св. Петра выясняется объективный характер церковного единства, сохра-

няющегося независимо от субъективного состояния и достоинства лиц, его представляющих» (20). Там же кн. Трубецкой приводит слова, с которыми св. Опат обращается к еретическому епископу Пармениану: « Ты не можешь отрицать, что ты знаешь, что в городе Риме первому Петру была дана епископская кафедра, дабы на ней восседал глава всех апостолов, почему он и был назван Кифою (скалою, камнем; С. Т.), чтобы в этой единой кафедре единство сохранялось всеми... так, чтобы уже считался раскольников и грешником тот, кто против единственной кафедры воздвигнет другую ».

Столь же определено учение св. Августина (353-430). По его убеждению « блюститель единства этого здания (здания Церкви на земле; С. Т.) есть римский епископ, в порядке непрерывного преемства связанный с верховным апостолом — св. Петром; и церковь антиримская, как община донатистов, поэтому самому не есть церковь истинная, вселенская » (21). « Что одна католическая Церковь обладает ключами вечного царствия в противоположность всем еретикам и схизматикам, это мы знаем из того, что она одна обладает универсальной, общенародной организацией. В ней одной могут быть указаны признаки всеединого вселенского царствия » (22).

« Для них (Киприана, Опата, Августина; С. Т.) для всех представляется совершенно достоверным тот факт, что римская кафедра олицетворяет собою единую церковь и единый епископат. Отсюда несомненно могут быть выведены многие учения средневековой и современной папской теории. Если, согласно теории Опата, всякий, кто против *единственной кафедры воздвигнет другую*, должен считаться *раскольников и грешником*, если, согласно мысли Августина, учение истины связано с *кафедрой единства*, то из этого следует, повидимому, что представитель кафедры единства есть хранитель истинного учения. Как таковому, ему должны принадлежать те права,

без коих охранение истинного учения было бы невозможным; за ним должно быть признано право авторитетного определения истинной веры в отличие от ложной и вообще право связывать всю Церковь обязательными для нее постановлениями, как догматическими, так и каноническими» (23).

Когда папа утвердил догматические определения двух соборов против пелагианской ереси, умалявшей значение благодати, то св. Августин с радостью сообщил об этом верующим: «Оттуда (из Рима) пришли уже документы (решения папы; С. Г.): итак, дело кончено» (24).

В письме другого знаменитого отца Церкви того времени, св. Иеронима, к папе Дамасу мы читаем: «Я, следуя прежде всего только Христу, соединяюсь общением с блаженством твоим, то есть с кафедрой Петровою. Я знаю, что на этом камне создана Церковь. Кто вне этого дома будет вкушать Агнца, тот чужд священного сонма. Кто не в ковчеге Ноевом, тот погибнет в разливе потопа» (25).

(1) Св. Василий «восходит к идее Церкви, как тела Христова — из нее вытекает общежительный идеал. Монашество должно быть некоей малой Церковью, тоже телом. Из этого идеала св. Василий выводит заповедь послушания и повиновения игумену *даже до смерти*, ибо игумен или предстоятель являет самого Христа» (Г. В. Флоровский, *Восточные Отцы IV-го века*, Париж 1931, стр. 61).

(2) Малицкий, II, стрр. 87 сл.

(3) Терновский, стр. 163.

(4) *Деяния Вселенских Соборов*, изд. Казанской Духовной Академии, том I, Казань, 1859, стр. 475 сл.

(5) Там же, стр. 592.

(6) Из вступительной статьи русского издателя «Деяний Вселенских Соборов», том III, Казань 1908, стр. 9.

(7) Там же, стр. 11.

(8) Мес. Минеи, 18 февраля. Там же мы читаем: «Петра верховного престола наследник был еси... Петра честного преемник и сего начальством обогатился,... уста заградил еси» еретикам.

(9) *Деяния Всел. Соборов*, III, Казань 1908, стр. 29.

(10) Там же, стр. 51.

(11) Там же, изд. 1863 г., стр. 141 сл.

(12) Терновский, стр. 179.

(13) Болотов, III, стр. 285.

(14) Он же, стр. 317.

(15) M. d'Herbigny, *De Ecclesia*, 1928, II, p. 158.

(16) Болотов, III, стр. 296.

(17) Суворов, *Учебник*, стр. 49.

(18) Номоканон, по русски *Кормчая Книга*, — собрание церковных правил и касающихся Церкви государственных постановлений.

(19) *Византийский Временник*, т. IV, 1897, стрр. 146 сл.

См. также *Бессарионэ*, 1918, стр. 47.

(20) *Религиозно-общественный идеал западного христианства в V веке*, Москва 1892, ч. I, стрр. 134 сл.

(21) Там же, стр. 140.

(22) Там же, стр. 147.

(23) Там же, стр. 152.

(24) Слово 131.

(25) Творения, изд. Киевской Дух. Акад., 1893, I, стр. 43.

VI. - ПОСЛЕ ХАЛКИДОНСКОГО СОБОРА.

Осужденные на Халкидонском соборе монофизиты, т. е. сторонники учения не признававшего человеческой природы Иисуса Христа, продолжали распространять свою ересь. Такое положение дел в империи сильно озабочивало византийских императоров. « Они употребляли разные меры, чтобы положить конец религиозным разногласиям и борьбе партий. Но их меры не давали результатов главным образом по тому, что в них не было последовательности, и в основе их лежали такие побуждения, которые не имели ничего общего с церковными интересами. Одни из императоров, чтобы обеспечить себе прочность положения, опирались на монофизитство, а другие старались лавировать между православием и ересью » (1). Иначе конечно и быть не могло: вопиющее злоупотребление, именно управление Церковью непризванным к тому « божественным » властелином, по существу своему могло порождать только беспорядки. Хуже всего было то, что это злоупотребление в высшей степени мешало объединению Церкви преемниками апостола Петра и вело к страшному упадку религиозного уровня епископов.

В 475 г. император Василиск « осудил » все постановления Халкидонского вселенского собора и угрозами заставил около 500 епископов одобрить это мероприятие.

Император Зенон, в 482 г., по чисто политическим соображениям, решил сделать некоторые

уступки монофизитам. В этом духе был составлен его указ, известный под названием Энотикон, в котором даже не упоминаются постановления Халкидонского собора. « Энотикон Зенона внес разделение в среду православных; православные видели в нем уступку монофизитам и унижение Халкидонского собора. Особенное недовольство этот акт вызвал в римской церкви. Папа не мог помириться с унижением Халкидонского собора... На римском соборе 484 г. Энотикон Зенона был отвергнут, на константинопольского патриарха Акакия, принимавшего его, произнесена была анафема... Разрыв между римскою и константинопольскою церковию продолжается 35 лет »⁽²⁾. Строго православные представители клира и мирян были недовольны этим отрицательным отношением императора и придворных епископов к папской власти; их называли акимитами, неусыпаемыми. « В самом Константинополе папа имел себе единомышленников в лице крайних ортодоксов... Один фанатический акимит во время соборного служения патриарха Акакия приколол ему к облачению папскую анафему и был тотчас же убит... На анафему папы патриарх константинопольский отвечал анафемой »⁽³⁾. Это характерное явление повторялось впоследствии очень часто: « крайние ортодоксы », т. е. люди придерживавшиеся древних православных преданий, тяготели к папству, между тем как еретики или православные зараженные цезаропапизмом всё более уклонялись от единства Церкви. « Унионным стремлениям византийских императоров (т. е. их обычным стремлениям смешать ересь с православием в одну государственную религию; С. Т.), совместно с папами римскими всегда противодействовали и греческие ревнители православия »⁽⁴⁾.

Многие епископы, которых император Зенон заставил быть в общении с Акакием, страдали от мысли быть из-за этого оторванными от центра христианства. Они обращались к папе, умоляя его не

лишать их общения с римскою Церковью и уверяя св. Отца, что они придерживаются вполне православного, Римом одобренного, вероучения. « В 512 г. император Анастасий заставил Антиохию принять, как патриарха, монофизита Северия. Сирийские православные от этого сильно страдают и также обращаются за помощью к папе: около 200 монахов подписывают и посылают письмо св. Гормизде; они величают его: ...патриарх всей земли, занимающий престол Петра, князя апостолов » (5). После смерти имп. Анастасия народ осмелел и открыто требовал восстановления общения с Римом. Тогда папа св. Гормизда составил формулу воссоединения, которую должны были подписать все возвращающиеся в Церковь. В ней мы читаем: « Не может пройти даром слово Господа нашего Иисуса Христа, сказавшего — *ты Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою*. Сказанное подтверждается и на деле, ибо на апостольском престоле (римском) всегда сохранялась неповрежденной католическая религия... Мы следуем во всем апостольскому престолу и исповедуем всё им определенное и уповаем, что будем достойны пребывать в единении с вами, требуемом апостольским престолом, который хранит в целостности и совершенной прочности христианскую веру ». Под этим исповеданием главенства римского епископа подписались почти все восточные епископы, числом более 2000 (6).

Но еретики не дремали, особенно монофизиты. Заметим мимоходом, что в эту эпоху жил александрийский патриарх Петр Монг (Заика), отъявленный монофизит, которого наши фанатики старообрядцы, поверив какой-то греческой басне XIV века, переделали в никогда не существовавшего « папежа (папу римского) Петра Гугнивого » (7).

Очень тяжкие испытания постигли церковь в царствование императора Юстиниана I (527-565), поставившего себе целью воскресить все традиции

древней римской империи, в том числе полное подчинение « жрецов », раньше языческих, теперь христианских, « божественному » самодержцу. « Его авторитет не допускал, чтобы в империи, объединенной его заботами, оставалось какое-либо разногласие в верованиях... Чувствуя, каким превосходным орудием является церковь, он ожидал, что этот инструмент будет в его руках... Он определенно отстаивал власть свою не только над лицами, не исключая и самых высоких, но и над предметами церковной дисциплины и догмата. Как говорил один византийский богослов: император для церкви высший владыка верований. Отправляя свою власть как жрец, он отдает повеления подобно тому, как давала оракулы античная сивилла » (8). Юстиниан преследовал еретиков, но делал недопустимые богословские уступки монофизитам: он находился под влиянием своей супруги, яркой монофизитки. Для достижения своих целей он не разбирался в средствах. В 529 г. произошло восстание самаритян. « Император поступил с ними с крайнею жестокостью: 20,000 самаритян было перебито, равное число отдано арабским вождям и продано в рабы на персидских рынках » (9). При всем этом Юстиниан хотел казаться ревностным христианином и повсюду строил много церквей; между прочим он соорудил знаменитый храм св. Софии в Константинополе. Большой его заслугой было издание великого собрания законов.

Одна, чуть ли не главная, « сторона цезареопапской деятельности императора состояла в установлении вероисповедного единства между всеми подданными империи... Император сам ставил себя как бы во главе духовного сословия » (10). Не могло не дойти до столкновения с папою.

« Монофизиты упорно стояли на том, что халкидонский собор восстановил несторианство. В доказательство этого они указывали на то, что на нем

признаны были православными блаженный Феодорит и Ива эдесский, некоторое время горячо стоявшие за Нестория. А Феодор мопсуетский, главный виновник этой ереси, не только не был осужден Церковью, но и продолжал считаться великим учителем на востоке. Император Юстиниан решил устранить и это препятствие, именно добиться осуждения этих трех лиц. Мера эта предложена была Юстиниану одним епископом, тайным монофизитом... В 544 г. Юстиниан издал первый свой указ, которым подвергался анафеме Феодор мопсуетский с своими сочинениями. Осуждались в такой же степени сочинения блаж. Феодорита... и письмо Ивы... Восточные патриархи после некоторого колебания согласились с этим указом и подписали его. Но на западе отнеслись к нему иначе... Противников императорского указа осуждения трех лиц смущали следующие обстоятельства. Лица эти давно уже умерли... В свое время они оказали церкви большую пользу... В частности блаж. Феодорит и Ива эдесский произнесли анафему на Нестория и признаны православными на Халкидонском соборе... Защитники трех лиц прямо указали, что осуждением *трех глав* монофизиты стремились не только к тому, чтобы умалить, но и совершенно уничтожить всякое значение Халкидонского собора, как такого, который допустил погрешности» (11). «Мысль об осуждении *трех глав* была чужда и даже противна большинству православных почитателей Халкидонского собора» (12).

Юстиниан вполне сознавал, что без папского одобрения его осуждение *трех глав* не действительно. Его агенты силою привезли папу Вигилия в Константинополь. Вигилия заставили со своей стороны осудить трех неосторожных богословов. Хотя папа издал лишь частичное осуждение *трех глав*, не заключающее ничего несогласного с постановлениями Халкидонского собора, из-за непонимания дела на Западе начались волнения, для успокоения которых

Вигилий взял обратно свое решение, за что был подвергнут разным истязаниям со стороны Юстиниана. Решено было созвать вселенский собор, чтобы успокоить умы. Этот пятый вселенский собор, на котором впрочем присутствовало только 165 епископов, состоялся в 553 г. Собор осудил Феодора, Феодорита и Иву. Папа одобрил это решение.

Во всем этом деле Вигилий, почти замученный Юстинианом, несомненно проявил неустойчивость. Но не следует забывать, что его колебания касались исключительно осуждения упомянутых личностей: их лжеучения Вигилий всегда и неизменно осуждал, никаких колебаний относительно веры у него не было. Сомнение касалось лишь вопроса: следует ли предать « проклятию » не только учение трех давно умерших подсудимых, но и самые их личности? Это последнее претило папе. Он осудил только еретика Феодора, личностей же блаж. Феодорита и Ивы его постановление не коснулось. « Если непоследовательность папы Вигилия должна служить доказательством против папской безошибочности, то нет безошибочности и у вселенских соборов, ибо они (IV и V всел. соборы; С. Т.) в том же вопросе столь же непоследовательны, как и папа Вигилий » (13).

« Ближайшей цели, для которой состоялось осуждение *трех глав*, император не достиг. Монофизиты не только остались равнодушными зрителями..., но даже старались закреплять существующее разъединение. Мало того: к концу своего царствования император — по самостоятельному ли ходу своего богословского мышления или вследствие влияния монофизитствующих придворных, сам пристал к монофизитам, и притом к самым крайним... По своему обычаю, император не замедлил свое новое догматствование сделать обязательным для подданных... Столичный патриарх Евтихий, не соглашавшийся с догматствованием императора, должен был оставить кафедру и отправиться в ссылку. Та же участь

угрожала и другим епископам, не желавшим присоединиться к новоизмышленной догматике императора» (14). Прав был Крылов: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги точать пирожник». Не только беда, но и настоящая трагедия, когда светские властелины или национально-политические деятели берутся управлять Церковью и учить ее.

Столкновения императора с папою продолжались и при ближайших преемниках Юстиниана. Император Маврикий был не злой человек, но он «воспретил законом принимать в состав клира и монашества людей проходящих общественные должности и воинов прежде, чем они отслужили свой срок... Римский папа Григорий Великий, следуя традиционной политике своих предшественников, протестовал против царского закона, стеснительного по мнению папы для Церкви..., царь не имеет права удерживать Богом врученных ему людей от служения Богу... Маврикий уступил папе, конечно потому что видел, что папский протест совпадает с образом мыслей и желаний большинства набожных византийцев... Около того же времени было и другое пререкание между папою Григорием и константинопольскими властями. Патриарх Константинополя Иоанн Постник в одном из своих писем к папе наименовал себя *вселенским*... Естественно, что папа был крайне встревожен и возмущен... В противоположность громкому титулу константинопольского патриарха папа стал подписываться *servus servorum Dei* (раб рабов Божиих). Александрийский патриарх Евлогий... уведомлял, что, согласно папскому повелению, отказал преемнику Иоанна Постника Кириаку в титуле вселенского; в том же письме Евлогий почтил этим титулом самого папу. Григорий в ответном письме выражался так: «...прочь все титла питающие тщеславие и нарушающие любовь!» Смирение впрочем не мешало папе Григорию вести обширнейшую переписку со всеми выдающимися лицами христианского мира и

полагать основания политическому значению папства» (15). Папа Григорий Двоеслов, один из величайших подвижников и святых христианского мира всех времен, прекрасно понимал, что гордость императорских столичных патриархов неизбежно приведет к расколу: вот почему он считал нужным давать патриархам уроки смирения, в которых они так нуждались. Что же касается « политического значения папства », то следует заметить, что св. Григорий думал о политике лишь поскольку это было нужно для блага всей Церкви. Как все святые папы, он требовал послушания от всех архиереев как запада, так и востока. Он сознавал свой долг быть не только патриархом запада, но и главою всех патриархов.

« Папа никогда не уступал ему (императору; С. Т.) в спорных пунктах, отдавал распоряжения, противоречащие императорским рескриптам... Когда патриарх Иоанн Постник принял титул вселенского патриарха, Григорий написал Маврикию, чтобы тот сказал ему, что претензии Иоанна являются верным признаком приближения дней антихриста... Известны также столкновения папы с императором Маврикием из-за поставления епископа Салоны в Далмации Максима. Папа запретил ему священнослужение и в конце концов Максим должен был признать, что погрешил против Бога и папы Григория... Могущество папы объясняется значительным расширением к этому времени и церковной компетенции и церковных владений римской кафедры... В Испании, в Галлии (Франции; С. Т.) и в Африке влияние Рима значительно увеличилось при Григории и обращение Британии значительно раздвинуло границы западного христианства » (16).

Св. Григорий Двоеслов был поборником того, что иные антикатолические авторы называют « папоцезаризмом »: он ожидал послушания даже от монархов, поскольку этого требует сама природа Церкви,

как самостоятельного вселенского духовно и иерархически сплоченного общества, защищающего мораль Христову. Заметим кстати, что глубоко ошибаются те полемисты, которые видят в послушании папе такое же зло как и цезаропапизм: из того, что отец не должен быть подчинен детям, а небесное земному, вовсе не следует, что не должно быть никакого подчинения детей отцу и земного небесному. А прежняя «папская область», теперь «град Ватикан», это только внешнее выражение той очевидной истины, что верховный пастырь всей земной церкви не может быть подданным того или иного земного царства.

В *Православной Богословской Энциклопедии* о папе св. Григории мы читаем: «Его глубоко религиозная натура возмущалась роскошью и честолюбием... Он сделался монахом и предавался столь суровому аскетическому подвижничеству, что здоровье его значительно пошатнулось и даже жизнь его находилась в опасности. ...Положение римского епископа в то время было отнюдь не легкое... Тем не менее... он занимал почти совершенно независимое положение... Его голос имел значение и в Константинополе, хотя его отношения с императором Маврикием более и более омрачались... Как ни велики были успехи Григория Великого в распространении влияния и власти римской кафедры в западных странах, но еще больше он сделал для внутренней организации и укрепления Церкви... Идеи Григория В. о папской власти были довольно неопределенны; но вообще он был строг и явно стремился к верховенству... Он много сделал для преобразования монастырей, но еще более для упрочения их независимости... У него была мысль сделать из монахов могучее орудие, которым папа мог бы располагать независимо от духовенства. С другой стороны, некоторые из особенностей монашеской жизни он перенес на духовенство, как, напр., целибат (безбрачие; С. Т.)... Для духовенства он на-

писал... свою знаменитую книгу: *Пастырское правило*, которая в течение столетий считалась нравоучительным кодексом духовенства... Ему приписывается составление литургии Преждеосвященных даров... Система григорианского пения доселе служит основанием для богослужебного пения Римско-католической Церкви » (17).

Русский православный издатель « Собеседований » св. Григория пишет о нем: « Святая неутомимая ревность его была обращена постоянно к устройению блага не только собственной его паствы, но и всей вселенской Церкви... Заслуги сего святителя для всей христианской Церкви были вообще так важны и многочисленны, что вселенская Церковь причислила его к лику святых, а беспристрастная история усвоила ему название: великого » (18). А в наших Четьях-Минях (12 марта) мы читаем: « Нарече тя Господь быти первопрестольника святяя Его Церкви, за нюже излия кровь Свою, и наследника святаго верховного апостола Петра... Пас же Григорий святый Церковь Божию тринадцать лет... ». Как все наиболее святые папы, св. Григорий бесстрашно отстаивал право и долг свой быть не только « первым по чести », но и действительным авторитетным пастырем всех пастырей; как все они, он опирался при этом исключительно на слова Господа нашего Иисуса Христа обращенные к апостолу Петру, а не на политическое значение столицы империи.

Эпоха Григория Великого была началом крупных исторических сдвигов. Власть римско-византийского императора в Италии становится все более и более призрачной. В западной Европе постепенно появляются новые государства. В средней Европе происходят массовые передвижения или образования новых народов. Вся северная Африка находится накануне полного отпадения от империи. С востока нажимают на Византию персы, арабы и другие племена. Границы империи уже совсем не совпадают с

пределами христианского мира, Церкви Христовой. Становилось ясным, что старая императорская затея господства « римского императора » над всею Церковью потерпела полное крушение. Ей предстояло или совсем исчезнуть или переродиться в новую политическую затею, более приспособленную к новым условиям. И вот некоторые императоры и их придворные епископы-угодники начинают смутно мечтать о постепенном образовании своего, уже чисто византийского, греческого « вселенства », своего православия, своей независимой от Рима Церкви со своим вселенским патриархом во главе. Один недуг очень медленно, но неизбежно, превращался в другой.

Но окончательное отпадение Византии от единства Церкви, которого так опасался уже св. Григорий Великий, совершилось только в XI веке.

(1) Малицкий, II, стр. 110.

(2) Там же, стр. 111.

(3) Терновский, стр. 250.

(4) Там же, стр. 384.

(5) Бускэ-Костылев, стр. 36.

(6) Забужный, *Православие и католичество*, Царьград 1922, стр. 140.

(7) См., напр., *Книгу о вере единой истинной православной*, еще сравнительно недавно переизданную в Москве.

(8) Шестаков, стр. 243.

(9) Там же, стр. 249.

(10) Терновский, стр. 283, 286.

(11) Малицкий, II, стр. 112 сл.

(12) Терновский, стр. 296.

(13) Волконский, стр. 314.

(14) Терновский, стр. 301.

(15) Там же, стр. 305 сл.

(16) Шестаков, стр. 278 сл.

(17) Том IV, ст. 662-669.

(18) *Святого Отца нашего Григория Двоеслова, епископа римского, собеседования*, Казань 1858, стр. 3.

VII. — ВЕК ИМПЕРАТОРА ИРАКЛИЯ.

Византийская церковь становилась всё более и более национальной, греческой. Это способствовало отпадению от неё многих инородцев. «Всё туземное население Египта, копты, числом до шести миллионов, усвоило монофизитство... Монофизиты в Египте организовали свой коптский патриархат, изгнали из богослужения греческий язык и окончательно порвали связь с православною Церковью... Абиссинская церковь также отделилась от православной... В основе этого отделения лежали не столько догматические причины, сколько национальная рознь между коптами и греками... На соборе в Тиве Халкидонский собор был осужден, и армянская церковь отделилась от церкви православной» (1). Отпали также многие сирийцы.

На смену монофизитству появилась, как бы его частичное продолжение, ересь монофелитства, «единоволгия», признававшая только одну волю во Христе. «Попытка возвести это учение на степень церковного догмата связана с именем императора Ираклия (610-641)... Ираклий, как и его предшественники, озабочен был восстановлением религиозного единства; на этом единстве он хотел обосновать и политическое единство империи. Для достижения этой цели, Ираклий готов был сделать уступку монофизитам. Такою уступкою и было учение о единой воле во Христе. Таким образом монофелитство вызывалось не столько богословскими интересами, сколько

политическими расчетами византийского правительства » (2). К ереси примкнули многие императорские епископы, в том числе и константинопольский патриарх Сергий. Ему удалось временно обмануть папу Гонория: он представил дело так, как будто весь вопрос сводился к признанию во Христе полного согласия человеческой воли Христа с Его Божеской волей, что конечно вовсе не еретично. О своих противниках Сергий писал папе, что это смутьяны, мешающие возвращению в Церковь монофизитов. Св. Софроний, патриарх Иерусалимский, заметив, что Сергий пишет папе одно, а думает совсем другое, сам обратился к папе с торжественным посланием. Он вызвал в Иерусалим епископа Стефана, привел его на Голгофу и взяв с него клятву в верности (3), так напутствовал его в Рим: « Иди к апостольскому престолу, где положены основания вероучения, объясни всё не один, не два раза, а много, много раз... пока их апостольская мудрость не произнесет победоносного своего решения и не разрушит в корне, канонически повую ересь ». Но нерешительный папа Гонорий умер прежде чем успел изучить всё дело и дать догматическое определение, а его примирительные письма к восточным иерархам были истолкованы злонамеренными людьми в смысле благожелательном для монофелитов. Зато его непосредственные преемники рассеяли все недоразумения и решительно осудили монофелитов и покровительствовавших им императоров.

Император Конста издал « тип », указ, коим запрещалось защищать правос учение. « В особенности горячо восстал против *типа* папа римский Феодор (642-649). Он созвал собор в Риме, отлучил от Церкви своего собрата, константинопольского патриарха Павла... За дерзость Феодора пришлось поплатиться его преемнику папе Мартину... Раздраженный Конста нашел возможным... захватить папу Мартина и привлечь его для суда в Константинополь. Житие св. Мар-

тина полно рассказами о тех притеснениях и жестокостях, какие терпел папа от чиновников императора. Весною 655 г. папа был отправлен в ссылку в Херсонес (в Крыму)... В ссылке папа Мартин прожил только четыре месяца. Церковь причислила его к лику святых с проименованием исповедника » (4). Православные богослужебные книги (14 апреля) прославляют папу Мартина за то, что он, будучи « верховником священных повелений », « церковное утвердил учение... украсив Петров божественный престол ».

« Унионным стремлениям византийских императоров совместно с папами римскими всегда противодействовали и греческие ревнители православия. Так было и в настоящем случае. Горячим противником типа явился инок Максим... Для императора Консты весьма важно было, чтобы такой авторитетный и влиятельный старец, как Максим, по крайней мере не высказывался решительно против типа... Но преп. Максим был человек духа твердого и непреклонного. На все увещания он отвечал решительным отказом... Влачимый в течение пяти лет по разным тюрьмам и местам заточения... Максим в конце концов был подвергнут бичеванию воловьими жилами и усечению правой руки и языка и сослан в страну лазов (Абхазию), где вскоре и скончался. Церковь причла преп. Максима к лику святых с проименованием исповедника » (5). Св. Максим Исповедник, которого Вл. Соловьев считает самым крупным, после Оригена, философом христианского Востока, был убежденным « папистом ». Своим византийским друзьям он писал: « ...Лишился святости тот, кто по своей воле вышел из католической Церкви. Не дозволено ни под каким видом воздавать хвалу тому, кто, за свою склонность к ереси, был осужден Римским апостольским престолом и был им отлучен, до тех пор, пока он не обратится вновь к этому престолу и не будет им принят... Тот потеряет совершенно свое время, кто захочет убеждать моих ближ-

них, не удовлетворив правилам и не обративши свои мольбы к всесвятейшему папе святой Римской Церкви, то есть к апостольскому престолу, получившему от воплотившегося Слова и от всех соборов, согласно канонам, полную власть над всеми церквями вселенной » (6).

Современный русский церковный историк, о. Г. Флоровский, пишет о св. Максиме: « В Риме Максим пользовался большим влиянием и авторитетом... В 649 г., снова по совету преподобного, вновь избранный папа Мартин созвал большой собор в Риме. ...Собор вынес четкое и решительное догматическое постановление (против императорской ереси; С. Т.) ...Защитников православия, как послушников царской воли, вскоре постигла суровая кара. В 653 г. военной силой был схвачен папа Мартин... и сослан. Одновременно был взят и Максим... Суд был убийственным и неистовым... В преподобном Максиме светских защитников ереси всего больше раздражала его духовная независимость и твердое отрицание прав царя в вопросах веры, отрицание церковного авторитета царской власти. Раздражало и то, что ...он противоборствовал целому сонму соглашателей иерархического сана... Он говорил: ...не дело царей, но дело священников исследовать и определять спасительные догматы католической церкви... Он подвергся кровавым истязаниям... Его высоко чтили в Византии, как великого учителя и проповедника о Христе, сожигавшего своим огненосным словом наглоязычие еретиков. Его чтили и как писателя, особенно как мистика и аскета... Максим не был только хранителем отеческих преданий, он жил в них... » (7).

Императорская политика компромиссов с ересью ни к чему не приводила, нужно было положить им конец. « В этих видах Константин Погонат (новый император; С. Т.) вошел в соглашение с римским папою и в 680 г. созвал в Константинополе VI вселенский собор » (8). Папа св. Агафон отправил импе-

ратору и собору два послания, в которых он определенно требует послушания всех Римской кафедре: необходимо единомыслие, а осуществление церковного единомыслия возможно только путем присоединения всех к учению преемников апостола Петра. Вот несколько выдержек из этих посланий:

« Петр... трояким вопрошением приял от самого Искупителя всех обязанность пасти духовных овец Церкви. Находясь под его покровительством, сия его апостольская церковь никогда не уклонялась от пути истины ни в какое заблуждение... Несомненно, что церковь эта, благодатью всемогущего Бога, никогда не уклонялась от стези апостольского предания и не подвергалась повреждению от еретических новизн, но как от начала восприяла христианскую веру от своих основателей, верховных апостолов Христовых, так пребудет неповрежденною до конца, по божественному обетованию самого Господа Спасителя, которое изрек он верховному своему апостолу в святом евангелии: *...утверди братию твою* (Лука 22, 31-32) ...Всем известно, что эту заповедь всегда верно исполняли апостольские первосвященники, предшественники моего смирения... Апостольской памяти предшественники моего недостойства, зная Господне учение, всякий раз как предстоятели константинопольской церкви пытались ввести еретическую новизну в непорочную Церковь Христову, не пренебрегали убеждать и увещевать... » (9). Чтобы «освободить от заблуждений... Церковь Божию..., пусть вся совокупность предстоятелей, священников, клириков и народов единодушно, ради угождения Богу и спасения души, исповедует и проповедует, вместе с нами, правило истины апостольского предания и евангельскую, апостольскую правоту православной веры, которая основана на твердом камне сей церкви блаженного Петра, верховного апостола, его помощью и покровительством сохраненной от всякого заблуждения » (10). « Все наше знание состоит в том, чтобы

всеми силами своего ума сохранять определения кафолической и апостольской веры, которые доселе апостольский престол вместе с нами содержит и передает » (11). Папа хвалит императора за то, что он « помогает кафолической Церкви совокупиться в единстве истинного и апостольского исповедания, которое донныне вместе с нами сохраняется святою римскою Церковью, дабы таинство чистого благочестия яснее трубы звучало по всей вселенной » (12).

Собор воспринял изложенное в обоих посланиях папы св. Агафона учение, как исходящее « от верховной власти апостолов » (13). Собор издал вероопределение, « руководясь наставлениями » папы Римского (14). Он « последовал преданиям папы Агафона », ибо « через Агафона говорил Петр ».

Папа Агафон — православный святой; память — 20 февраля

Но не следует забывать, что VI вселенский собор по составу своему был только местным съездом 170 греческих епископов. По настоянию папы ему пришлось осудить монофелитскую ересь, а среди главных еретиков монофелитов было 6 греческих патриархов. Это конечно раздражало самолюбие придворных епископов. Они то и решили включить в число еретиков — покойного папу Гонория. Папа Лев II одобрил догматические постановления VI собора, вполне согласные с посланиями папы св. Агафона, но лишил силы несправедливое выступление греческих епископов против Гонория, осудив только его *нерадение* в борьбе с ересью. Гонорий никогда не был еретиком, везде, где он излагает свое учение, он вполне православен. Его вина, и притом конечно большая вина, состояла в том, что он не расследовал дела как подобало и не проявил должной энергии в борьбе с лжеучением. Заметим еще, что императорский указ, в котором ересь впервые предлагается в неприкрытом виде, знаменитая « Эктезис », был издан только после смерти папы Гонория.

До VI собора «целый ряд соборов осудил монофелитов, но ни один не причислил к ним папу Гонория... Восемь пап сменилось за этот период на апостольском престоле; они ревностные борцы против монофелитов...; никто из них папу Гонория в ереси не подозревает... Православие папы Гонория никем из православных современников его, ни на Западе ни на Востоке, под сомнение не ставилось. Молва о его ереси — дело еретиков» (15).

(1) Малицкий, II, стр. 116 сл.

(2) Там же, стр. 118.

(3) Там же, стр. 121.

(4) Терновский, стр. 383 сл.

(5) Там же, стр. 384.

(6) Минь греч. т. ХСІ, ст. 144.

(7) *Византийские Отцы V-VIII вв.*, Париж 1933, стрр. 196-198.

(8) Терновский, стр. 389.

(9) *Делния Вселенских Соборов*, третье издание Казанской Духовной Академии, том VI, 1908, стр. 34 сл.

(10) Там же, стр. 52.

(11) Там же, стр. 57.

(12) Там же, стр. 60.

(13) Там же, стр. 243.

(14) Там же, стр. 244.

(15) Волконский, стрр. 302 сл. Там же читатель найдет обстоятельное и подробное изложение «дела» папы Гонория.

VIII. - ИКОНОБОРЧЕСТВО.

Религиозная жизнь в Византии VII века была в упадке. Золотой век церковной литературы уже прошел. « Дух узкой исключительности... возобладал безгранично... Благодаря этой узкой национальной исключительности церковная жизнь византийской империи стояла ниже гражданской, которая постоянно освежалась от притока других национальностей, более грубых, но менее изжившихся... Веру сменило суеверие... К уцелевшему от древности рабству присоединилось закрепощение... Что удивительного после того, если души оподлели, если возвышенные стремления иссякли, если нравы огрубели?... Византия имела свое лучшее время позади » (1). В благочестие вкралось не мало крупных злоупотреблений и суеверий. Вместо того чтобы дать Церкви возможность бороться со злом, императоры, всегда проникнутые древне-римской идеей возглавления религии божественным самодержцем, сами стали исправлять церковную жизнь, что конечно породило новую ересь. Так появилось иконоборчество со всеми его печальными последствиями.

« Иконопочитание в христианской Церкви развивалось постепенно. В первые три века Церковь не находила возможным вводить иконы в церковное употребление... В IV веке идея христианского иконопочитания усвоена была христианским обществом... Тем не менее почва для иконоборчества была готова... Император Лев Исаврянин (717-741), с име-

нем которого связано начало открытого гонения на иконы, происходил из низшего сословия, отличался грубостью нрава и деспотическим характером... В 726 г. он издал первый указ против иконопочитания...; император первый приступил к его исполнению... Особенно энергичный протест против императора раздался из Рима. Папа Григорий II объявил себя вне зависимости от императора... Он обличал императора иконоборца... Но император не внял голосу благоразумия... Поставленный вместо православного патриарха Германа Анастасий истребил иконы в своем патриаршем подворье... Папа Григорий III, преемник Григория II, отлучил всех иконоборцев от Церкви... Попытка императора уничтожить иконопочитание кончилась полнейшею неудачей. Она повела к разрыву церковного союза Константинополя с Римом и восточными патриархатами... Но не смотря на протест возмущенного религиозного чувства массы простых верующих..., правительство упорно шло к своей цели истребления икон... При преемнике Льва Исаврянина, Константине Копрониме (741-775), иконоборчество достигло своего высшего развития... Патриаршую кафедру занимали иконоборцы; на епископские кафедры ставились также враги иконопочитания... Он (Копроним; С. Т.) решился созвать вселенский собор... Собор открыт был в 754 г., на нем было 338 епископов, но не было ни одного патриарха, ни представителей римского папы... На этом соборе осуждено было иконопочитание, как идолопоклонство, подвергнуты были анафеме Герман, Иоанн Дамаскин и все почитатели икон в будущем. Почитатели икон... лишались сана..., отлучались от Церкви... Иконы повсюду выбрасывались, сжигались... От икон император перешел к мощам. Он приказал повсюду выбрасывать их... Монахам выкалывали глаза, секли розгами, ... разбивали головы на тех самых иконах, в защиту которых они выступали... Ревностные иконопочитатели бежали или за границу,

в особенности в Рим, или скрывались... Папа Стефан III... отверг определения лже-вселенского собора и подтвердил иконопочитание. Таким образом основа для восстановления иконопочитания была готова » (2).

В 787 г., по настоянию императрицы Ирины, в городе Никее был созван вселенский собор (VII-ой). На нем было дано определение догмата иконопочитания. Правильная идея единства Церкви наглядно выступает в посланиях по этому поводу папы Адриана I. Папа требует, чтобы все принимали « определения церкви блаженного Петра, князя апостолов »; вера должна быть « православной, в духе нашей святой римской Церкви ». От католической Церкви « все прочие церкви Божии получили правило веры, потому что сам князь апостолов, блаженный Петр, первый председатель на апостольской кафедре, преемникам своим... оставил первенство своего апостольства и пастырского попечения ». « Да будет исполнено слово Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа: *врата ада не одолеют ей* и опять: *ты еси Петр и на сем камени созижду Церковь Мою... Кафедра св. Петра на всем земном шаре пользуется первенством и учреждена с тем, чтобы быть главою всех церквей Божиих* ». Римская епископская кафедра, и только она одна, является « всякий собор утверждающей своею властью и охраняющей своей испытанной умеренностью ». « Самим Искупителем мира дано первенство и власть над всем миром (т. е. над всею мировою, вселенскою Церковью; С. Т.) блаженному апостолу Петру, и через этого апостола, которого преемниками стали мы неопытные, святая католическая и апостольская римская церковь до сего времени удерживает и всегда будет удерживать первенство и силу власти ». « Кафедра св. Петра ...есть глава всех церквей Божиих ». Императоры обязаны « сохранять предание сей священной и святейшей римской церкви нашей » (3). Яснее нельзя

было выразиться. Если бы учение о папском главенстве было ересью, или хотя бы только злоупотреблением, вселенский собор *должен* был бы тут же предать папу Адриана анафеме. Между тем случилось обратное. Константинопольский патриарх св. Тарасий громко заявил на соборе, что отцы собора учат «согласно прочитанному посланию». Затем «посланники апостольской кафедры сказали: пусть скажет нам святой собор, принимает ли он послание святейшего папы древнего Рима. Святой собор сказал: допускаем и принимаем» (4). Итак вселенский собор «принял» послание выражающее учение о главенстве папы в вопросах веры.

Но и после вселенского собора ересь не прекратилась. «С 813 г. на византийском престоле являются императоры иконоборцы. Таким был император Лев Армянин... Он обратился к патриарху Никифору с предложением поставить иконы повыше, чтобы народ не лобызал их. Но п. Никифор не дал на это согласия... Никифор нашел себе поддержку в константинопольских монахах, во главе которых стал знаменитый игумен студийского монастыря Феодор Студит... Личные интересы не имели для него никакого значения в борьбе за истину... Патриарх Никифор был удален; на его место поставлен был ревностный иконоборец... Новый патриарх собрал в Константинополе собор (815 г.)... На этом соборе отвергнуты были определения VII вселенского собора... Феодор Студит еще энергичнее повел борьбу против иконоборчества... Император отправил Феодора Студита в ссылку..., неоднократно его наказывали ремнями... Иконоборческие мнения внесены были в учебники... При Михаиле Травле (820-829) ...иконопочитатели, в числе их Феодор Студит, получили свободу... Но положение иконопочитателей изменилось, когда на престол вступил сын его Феофил... Иоанн Грамматик, убежденный противник иконопочитания, получил патриарший сан и вместе

с Феофилом приступил к истреблению икон. На Влахернском соборе (833 г.) произнесена была анафема на иконопочитателей» (5). Только после смерти Феофила ересь наконец затихла.

В эту эпоху в Византии было много «либералов», равнодушно относившихся к догматам. «Только в одном пункте... сходились между собою все либералы и иконоборцы всех степеней и оттенков, именно в признании необходимости подчинить клириков и особенно монахов правительству, сделать Церковь служебною силою в государстве... Либералы... решительно стояли на стороне государства и даже успели канонизовать свое мнение на соборе 809 г...., царь стоит выше церковных определений» (6). Будучи защитниками принципа порабощения Церкви государством, «либералы и иконоборцы» тем самым становились врагами объединения Церкви римским престолом. И наоборот: защитники церковного благочиния, в теории и на практике, проявляли себя «папистами». Таковым был и св. Феодор Студит (ум. в 826 г.), «отец монахов на все времена..., столп и опора православных во дни гонений» (?).

Спасение от всех ересей и от религиозного разложения св. Феодор Студит видел в безусловном послушании папе римскому, Св. Престолу. Папе св. Льву III преп. Феодор писал от своего имени и от имени нескольких видных иконопочитателей: «Так как великому Петру Христос Бог даровал вместе с ключами Царства небесного и достоинство пастыреначальства, то Петру, или преемнику его, необходимо сообщать о всем, нововводимом в католической Церкви отступающими от истины. Итак, научившись этому от древних святых отцов наших, и мы..., так как и теперь в нашей церкви сделано нововведение, почли долгом... донести о том ангелу верховного твоего блаженства. Так, божественнейшая глава всех глав, состоялось... собрание любодействующих... Донося об этом неложно, мы смиренные возносим хри-

стоподобному блаженству твоему то же воззвание, которое верховный апостол... произнес ко Христу, когда на море поднялась буря: *спаси ны*, архипастырь поднебесной Церкви, *погибаем*. Поступи по примеру учителя твоего Христа, и прости руку к нашей церкви... погрузившейся уже в бездну ереси... Как нижайшие члены Церкви и повинующиеся вашему божественному пастыреначальству, мы просим...»⁽⁸⁾. В другом письме к тому же папе святой подвижник называет его «апостольской главой нашей», которому принадлежит право принимать меры против ереси в всецерковном масштабе⁽⁹⁾. Св. Феодор так же относился ко всем папам, он преклонялся не перед моральным авторитетом выдающихся лиц, а перед римскою апостольскою кафедрою как таковою. К папе Пасхалию он писал: «Внемли, апостольская глава, Богом вознесенный пастырь овец Христовых, имеющий ключи царства небесного, камень веры, на котором воздвигнута католическая Церковь. Ибо ты — Петр, украшающий и правящий престол Петров... Помоги нам, поставленный на это Богом...; ты имеешь силу от Бога». И еще, в другом письме к Пасхалию: «Подлинно узнали мы, что действительный преемник верховного из апостолов председательствует в римской церкви; истинно убедились мы, что не оставил Господь нашей церкви, для которой в приключаящихся несчастиях имеется издревле и от начала одна и единственная помощь от вас, по промыслению Божию. Итак, вы — поистине незагрязненный и не-поддельный источник православия от начала; вы — тихая пристань всей Церкви... Доведи до конца при помощи Божией то, что по внушению Духа решено и определено тобою в пользу нас смиренных»⁽¹⁰⁾.

Да не подумает кто-либо, что всё это только льстивые фразы или дипломатические, неискренние приемы: святость, а потому и правдивость, Студита не подлежит сомнению. Св. Феодор излагал свою веру в главенство преемников Петровых во многих

письмах к частным лицам. Никакого восточного патриарха Студит не называет «главою всех глав». Императору Михаилу он писал: «Ныне время... соединиться нам с верховною из церквей Божиих, римскою, и через нее с прочими тремя патриархами» (11). Тому же императору, призывавшему епископов на собор для разрешения догматических споров, св. Феодор писал от имени православных епископов: «Пусть десница ваша... повелит принять объяснение от древнего Рима, как делалось издревле и от начала по отеческому преданию. Ибо там... верховнейшая из церквей Божиих, на престоле которой первый восседал Петр, которому Господь сказал: *ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ей*» (12). Своему другу архимандриту Василию, проживавшему в Риме, Студит писал: «Как един Господь, едина вера, един Бог, так, разумеется и едина Церковь, хотя она возглавляется у вас... Ты вместе с апостольским главой Христовой Церкви явился богоугодно ревнующим Господу» (13).

Итак, для св. Феодора Студита папа «апостольский глава Церкви», глава объединяющий «всех глав», орудие, через которое Христос главенствует в Церкви и обеспечивает ее единство. Таково же было учение и великого православного богослова и мученика, св. Максима Исповедника.

Отметим еще, что, по учению св. Феодора, без согласия Римского епископа никто не властен «составлять православного собора» (14).

В главе первой капитального труда А. П. Доброклонского *Преп. Феодор Исповедник и игумен Студийский* (I часть, Одесса, 1913) мы находим много признаний этого ученого, которые помогают нам понять, почему лучшие элементы византийского монашества, в особенности св. Феодор Студит, были такими убежденными сторонниками папства и независимости Церкви от государства. Вот ход мыслей

Доброклонского : « В греко-римской языческой империи государство поглощало собою всё... Право государства беспредельно... В частности и религия стала в служебное отношение к нему... Император был и верховным жрецом, высшим судьей и распорядителем в духовных делах... Абсолютизм государства и императора дошел даже до обожествления обоих » (стр. 56). Далее автор доказывает насколько эти дикие представления об отношениях между религией и государством несовместимы с учением Христа Спасителя, апостолов и христиан первых веков. А « по мнению Отцов и писателей Церкви IV-V веков, Церковь и государство должны существовать, хотя и во взаимной связи, но независимо одна от другого, с особым назначением, характером и ведомством; власть той и другого полноправны в пределах своих ведомств » (стр. 61). Лучшие представители иерархии старались осуществить эту программу. Но на Востоке римская языческая идея всё более и более давала себя чувствовать. « Немногие из императоров, подобно Феодосию I, понимали разницу между царем и иереем; большинство смотрело на себя, как на первосвященников... Они не только имели влияние на избрание епископов..., но часто сами возводили их на кафедры, перемещали,... без суда низлагали, и чаще всего низлагали ради несогласия по церковным вопросам... Императоры также нередко посягали на свободу соборов... Превышение императорами своей власти остается бесспорным фактом » (стр. 68 сл.). Доброклонский опровергает мнение некоторых авторов, которые в вопиющей неправде цезаропапизма видят простое случайное злоупотребление; нет, вся эта система по существу своему противоречит основным положениям христианского учения. В первое время многие святители сопротивлялись « натиску правительственной тирании на Церковь » (стр. 75); но вскоре началось отступление, капитуляция восточных епископов. Зато, « западная иерархия во главе

с римским епископом..., более свободная от деспотизма византийских императоров, обычно давала решительный отпор их незаконным действиям, не останавливаясь даже пред соборным осуждением императорских эдиктов, и римские епископы не раз в своих посланиях к императорам высказывали со всей определенностью традиционный принцип независимости Церкви в делах веры и церковного управления» (стр. 80). На Востоке лишь немногие святые мужи выступали открыто в защиту единства Церкви; таков был, например, преп. Максим Исповедник (стр. 82). «Очевидно, и на Востоке не совсем угасло в иерархии чувство церковной свободы и не забылся, завещанный отцами прежних веков, принцип особности и независимости Церкви от государства. Но с веками всё это проявлялось слабее и реже. Напротив, в громадном большинстве восточная иерархия становилась более и более уступчивой и шаткой и уживалась с возраставшим абсолютизмом императоров. Между прочим этому немало содействовал, с веками возраставший, упадок нравов самой иерархии» (стр. 83). «При такой шаткости и уступчивости высшая иерархия на Востоке не могла быть всегда надежным оплотом Церкви и уже давно стала терять кредит в глазах народа, видевшего ее слабость. Вместо нее в качестве церковной оппозиционной силы выступило монашество...» (стр. 86). «Церковная иерархия на Востоке... с течением времени протестовала реже и слабее, более и более склонялась под деспотизмом императоров... Не напрасно св. Иоанн Дамаскин говорил о нем (императоре Льве III), что он тираннически восхищает священство» (стрр. 87 сл.).

(1) Терновский, стр. 406 сл.

(2) Малицкий, II, стрр. 125 слл.

(3) *Деяния Вселенских Соборов*, изд. Казанской Духовной Академии, том VII, Казань 1909, стрр. 64, 73 и 78.

(⁴) Там же, стр. 79.

(⁵) Малицкий, II, стрр. 138-140.

(⁶) Терновский, стр. 507.

(⁷) Свящ. Василий Преображенский, *Преподобный Феодор Студит*, Москва 1896, стр. 3. Какое огромное значение имеет св. Феодор для русского благочестия, видно хотя бы из того совсем исключительного факта, что выдержки из его аскетических творений занимают весь четвертый том знаменитого *Добротолубия*.

(⁸) Творения преп. Феодора Студита, изд. СПб Духовной Академии, том II, Петербург 1908, стрр. 265 сл.

(⁹) Там же, стр. 270.

(¹⁰) Там же, стрр. 345 сл.

(¹¹) Там же, стр. 435.

(¹²) Там же, стр. 447.

(¹³) Там же, стр. 765.

(¹⁴) Там же, стр. 266.

IX. - ПАТРИАРХ ФОТИЙ.

Цезаропапизм неизбежно вел к расколу.

Пока христианский мир географически более или менее совпадал с « вселенской империей », вся неправда возглавления Церкви Христовой « сильным мира сего » могла кое-как прикрываться благовидными предложениями. Но когда Византийская империя из многонародной стала окончательно греческой, национальной, ограниченной пределами одного лишь константинопольского патриархата, этот не-христианский, искусственный, на языческих преданиях древнего Рима основанный, чудовищный подмен *церковного* вселенства *политическим* вселенством Византии, ставшей теперь только одним из нескольких христианских государств, должен был или исчезнуть или окончиться разрывом « вселенской патриархии » с вселенскою Церковью и папством. Почти все византийские цари и большинство воспитанного ими клира, издавна привыкшего к цезаропапизму и подчас оскорбляемого представителями западного духовенства, склонны были идти путем, который ведет к второму решению вопроса. Греческие националисты рассуждали приблизительно так: все « латиняне », то есть почти все христианские народы — итальянцы, галлы (французы), испанцы, британцы, германцы, ирландцы, западные славяне, африканцы и т. д. —, впали в заблуждение, отпав от империи; они просто дикари; только мы, греки, остались верными империи; только мы и послушные « вселенскому па-

триарху » народы сохраняем чистое, греческое православие.

Отсюда придирки Трулльского собора придворных епископов (692 г.) к не-греческим церковным обычаям и его горделивые притязания навязывать всей Церкви греческие обычаи; отсюда попытки причислить папу Гонория к еретикам; отсюда поход патриарха Фотия против учения западных отцов Церкви о Духе Святом. Для большего успеха надо было противопоставить католическому православию свое греческое православие, а папе Римскому своего византийского « папу », и не слишком выдвигать на первый план императора, ставшего фактическим главою греческой « вселенской » Церкви. Но надо было поступать постепенно и осторожно.

Послушаем прекрасного знатока византийского духа, Владимира Соловьева. « Огромное большинство высшего греческого клира принадлежало к партии, которую мы можем назвать полу-православной, вернее, православно-антикафолической... Эти священники ничего не имели в принципе против единства вселенской Церкви, но лишь при условии, чтобы центр этого единства находился у них; а так как на деле центр этот был в другом месте, то они предпочитали лучше быть греками, чем христианами, и скорее соглашались на разделенную Церковь, чем на Церковь, объединенную властью, бывшей в их глазах чужой и враждебной их национальности... Как греческие патриоты прежде всего, они предпочитали византийский цезаропапизм римскому папству » (1). И еще: « История судила Византию и произнесла над ней свой приговор... Когда ей не удалось подделать православную догму, она свела ее на мертвую букву; она хотела подрывать самую основу здания христианского мира, напав на центральную власть вселенской Церкви; она подменила в общественной жизни закон Евангелия традициями языческого государства. Византийцы... считали дозволенным и по-

хвальным замыкать христианство в храме, предоставляя всю общественность языческим началам» (2).

На церковной и евангельской почве византизм не мог осуществлять своих антипапских замыслов. Нужно было с помощью *политики* создать своего рода «антипапу». «Первенствующее значение между патриархами востока получил патриарх константинопольский. Его возвышению содействовали и положение его кафедры в столице восточной империи, и его непосредственная близость к императорской власти... От (других; С. Т.) восточных патриархатов остались одни только названия... Голос конст. патриарха был авторитетнее в церковных делах и к нему прислушивались... патриархи» (3).

«В церковной иерархии выдвинулось вперед положение патриарха константинопольского до такой степени, что он стал единственным первенствующим иерархом востока. Константинопольский патриархат и прежде своим объемом равнялся трем остальным восточным патриархатам вместе взятым; теперь, после мусульманского разгрома, он один занимал всё пространство урезанной византийской империи, ибо остальные три патриархата остались за рубежом» (4). К тому же, вследствие мусульманских погромов и массовых отпадений в ересь, в этих трех патриархатах осталось лишь мало верующих. Таким образом и посторонние обстоятельства помогали императорам создавать свое антицерковное «папство», столь полезное для разрыва с Римом и окончательного порабощения Церкви.

«С 846 года патриаршую кафедру в Константинополе занимал п. Игнатий... 33 года монастырского уединения и подвигов... составили ему высокую репутацию св. мужа в народе... Духовная суровость патриарха сразу нажила ему много врагов... У него оказался... серьезный враг в лице опекуна молодого императора, кесаря Варды, брата Феодоры (императрицы; С. Т.). Варду подозревали в незаконном со-

жительстве с женою своего умершего сына. Игнатий сначала частным образом увещевал Варду разорвать незаконную связь, но, когда это не подействовало, патриарх решился сделать смелый шаг: ...он не допустил Варду до св. причащения... Сам император Михаил был возмущен таким поступком патриарха... В видах расширения своей власти и влияния на молодого государя, Варда внушил ему мысль удалить свою мать от управления... От патриарха потребовали, чтобы он совершил пострижение императрицы. Но Игнатий... остался на высоте своего положения: он решительно отказался это сделать... Варда съумел обвинить Игнатия в государственной измене (совсем как в наши дни! С. Т.) и отправить его в ссылку... Вместо Игнатия на патриаршую кафедру возведен был сенатор Фотий... Посвящение Фотия совершилось быстро, в течение 6 дней он прошел все степени священства до патриаршества... Образовался раскол (между сторонниками патриарха Игнатия и друзьями Фотия; С. Т.)... Партия политиков, сделавшаяся теперь партией Фотия, была господствующею церковною партией. На ее стороне было и правительство... Фотия папа не признавал законным патриархом » (5).

Суворов дает следующую картину Фотиева раскола с Римом: « Папа Николай I тем более считал себя в праве вступить в это дело (столкновение патр. Игнатия с Фотием; С. Т.), что к нему обратились из Константинополя обе партии, как партия низложенного Игнатия с просьбою о помощи, так и покровительствуемая императором Михаилом III партия Фотия с просьбою о признании нового патриарха. Папа не мог поступить иначе, как высказаться в пользу Игнатия, который был человеком безупречной добродетели и ни по каким законам не заслуживал низложения, а против Фотия говорило уже то одно, что он возведен был на патриаршую кафедру из мирян..., был императорским секретарем... Со-

бор 861 года (состоявший из придворных епископов; С. Т.)... признал Фотия законным патриархом, а Игнатия низложил. В Риме, как скоро дошли туда верные сведения о том, что происходило на соборе 861 года, составлен был римский собор, на котором Фотию объявлены были низложение и анафема. Фотий обратился с энцикликой к восточным патриархам, приглашая их на вселенский собор для рассмотрения и осуждения латинских лжеучений, т. е. столкновение между Римом и Константинополем с личной ночвы было перенесено на почву церковных обрядов и догматов. В энциклике, всему западному христианству поставлено в вину несколько заблуждений, из которых главные суть: 1) пост в субботу, 2) употребление в пищу на первой неделе поста молока, сыра и яиц, 3) презрение к священникам, живущим в законном браке, 4) непризнание миропомазания, совершенного простыми священниками, и 5) учение об исхождении Св. Духа и от Сына. Все эти особенности западно-католического христианства явились задолго до IX века. Важнейшая из них — учение об исхождении Св. Духа и от Сына — ведет свое начало из Испании, где уже в V веке арианскому учению, отрицавшему равенство и единосущие Сына с Отцом, противопоставлялось учение, что Дух Святой исходит от Отца и от Сына... Другие заблуждения, о которых говорится в энциклике Фотия, имели еще большую историческую давность: уже папа Иннокентий I, современник Златоуста, предписывал своими декретами безбрачие духовенства, пост в субботу и совершение миропомазания епископом» (6).

«Но, несмотря на заявленные таким образом ереси Запада, при всяком улучшении отношений между Римом и Константинополем, об ересях забывалось, и церковное общение между востоком и западом восстанавливалось. Так было после низложения Фотия восшедшим на престол Василием Македоняниным: на соборе 869 г., в присутствии папских ле-

гатов, санкционировано было восстановление Игнатия на патриаршей кафедре. А когда, по смерти Игнатия, император нашел нужным возвратить Фотия на вакантную кафедру, и папа нашел возможным согласиться на признание Фотия патриархом..., то и сам Фотий забыл на время о своих обвинениях против латинского запада. Он вспомнил о них лишь тогда, когда папа увидел, что собор 879 г. не оправдал его надежд на признание за ним церковной власти над Болгарией. Папа основывал свою власть над Болгарией (дело идет о власти папы как патриарха запада, а не как вселенского главы всех церквей; С. Т.) на том факте, что до Льва Исавра страны, занятые болгарами, находились под римской церковною властью, а в Константинополе возражали, что занятые болгарами страны находились раньше под властью восточной империи, от которой теперь папа отпал, соединившись с франками... Наконец, после второго и окончательного низложения Фотия в 886 г. Львом Мудрым, церковный мир между Римом и Константинополем восстановился и продолжался около 150 лет, несмотря на то, что римское папство за это время переживало самую темную эпоху своей истории... Участие Рима считалось необходимым при решении важных церковных вопросов; поэтому когда четвертый брак Льва Мудрого произвел раскол в Византии, который был устранен лишь собором 920 г., в Константинополе потребовали утверждения папой постановлений этого собора... Окончательный разрыв совершился около половины XI века » (?).

В другом труде того же ученого мы читаем: «Идея перенесения прав со старого Рима на новый (на Константинополь; С. Т.) впервые высказана была императором Михаилом III в послании его к папе Николаю I, или, правильнее сказать, патриархом Фотием, потому что Фотий, без сомнения, был составителем этого послания... Возвышение константинопольского патриарха над другими патриархами и постав-

ление этого же патриарха рядом с царскою властью идут рука об руку, предполагая в то же время разрыв с Римом и условливаясь этим разрывом» (8).

Как видно из этих свидетельств знатока Византии, Впрочем не католика и не свободного от антикатолических предрассудков, Византийская патриархия отпала от Рима вовсе не из-за мнимых «заблуждений» Католической Церкви, а по национально-политическим причинам.

Главным «заблуждением латинян», т. е. предлогом для разрыва, было издавна распространенное учение западных Отцов Церкви об исхождении Духа Святого «от Отца и Сына». Здесь не место для пространного оправдания этого учения (9). Заметим только, что: 1) Последователи Фотия радикально исказили истину, утверждая будто по католическому учению Дух Святой имеет два начала, Сын что-то прибавляет от себя к существу, которое Дух имеет от Отца: это ложное толкование догмата «от Отца и Сына» католики всегда отвергали. 2) Последователи Фотия забывают, что в Св. Писании сказано только, что Дух исходит от Отца, но нигде не сказано, что Сын не имеет никакого участия в этом «исхождении», наоборот: Дух Св. есть Дух Сына (Рим. 8, 9; Гал. 4, 6). 3) Подлинное католическое учение по смыслу тождественно с учением многих восточных Отцов об исхождении «от Отца через Сына», и сначала на Востоке восставали против исхождения «и от Сына» только еретики, — несториане и монофелиты.

В торжественном исповедании веры VII вселенского собора мы читаем: «Верую... и в Духа Святого, Господа животворящего, от Отца через Сына исходящего» (10).

Вся несостоятельность Фотиевой придирки становится очевидной, если принять во внимание те сравнения или образы, с помощью которых восточные Отцы Церкви (св. Иоани Дамаскин, напр.) пред-

ставляют предвечные внутренние отношения лиц Св. Троицы. Возьмем одно из них: Отец — корень, Сын — стебель, Дух — цветок. В Св. Писании сказано, что Дух (цветок) есть Дух Сына (цветок появляется на стебле) и что Он « исходит » от Отца (цветок получает свои соки от корня). Восточные Отцы чаще всего говорили, что Дух (цветок) исходит от Отца (от корня) через Сына (через стебель). Западные Отцы, до сих пор признаваемые на Востоке, учили, что цветок — от корня и стебля, как от *одного* растения, одного начала. Последователи же Фотия утверждают, что цветок непосредственно вырастает на корне, отдельно от стебля. Вот другие сравнения восточных Отцов Церкви: 1. Отец — солнце, Сын — солнечные лучи, Дух — теплота, исходящая от солнца при посредстве лучей. 2. Отец — источник, Сын — ручей, Дух Св. — озеро, принимающее воду от источника при посредстве ручья.

« Преподобный Максим учил об исхождении Духа от Отца чрез рожденного Сына... Очень любопытно, что преп. Максиму пришлось высказаться о западном Филиокве (учении об исхождении Духа Св. « от Отца и Сына »; С. Т.). Успокаивая восточных, Максим объяснял, что западные не представляют Сына причиной Духа, ибо знают, что Отец есть единая причина Сына и Духа, *Одного* по рождению, *Другого* по исхождению, и лишь показывают, что Он через Него исходит, обозначая тем сродство и неразличность сущности. Здесь преп. Максим всецело в кругу древней восточной традиции » (11).

Новейшие научные исследования (Дворника и др.) позволяют предполагать, что после примирения п. Фотия со Св. Престолом не было так наз. « второго Фотиева раскола ». В ухудшении отношений между Римом и Византией не один только Фотий был виноват: дух национальной и культурной обособленности был тогда очень силен, как на Востоке так и на Западе. А папа св. Николай, занятый борь-

бой с западным цезаропапизмом, может быть и не обратил должного внимания на запутанность церковных отношений в Константинополе; это конечно тоже не способствовало улучшению положения.

Нападки Фотия на католичество, впоследствии использованные всеми сторонниками разделения Церкви на национально-государственные церкви, были порождены, главным образом, желанием возвысить греческое христианство в глазах колеблющихся между Востоком и Западом болгар: греки во что бы то ни стало хотели сделать из Болгарии покорного « сателлита » Византии и потому всячески старались очернить « латинство » и « франков » в глазах болгарского царя Бориса.

В Византии, насквозь проникнутой римским цезаропапизмом, почти всё уже определялось политикой и чуждыми благу Церкви соображениями: по мимолетной и переменчивой воле друг друга вытеснявших императоров или императриц состоялись назначение п. Игнатия, замена его п. Фотием, низложение Фотия, возвеличение его, ряд друг друга осуждавших соборов, появление антикатолических полемических сочинений и т. д. Всё было продиктовано одною мыслью: еще более ослабить и без того слабую зависимость императорской византийской церкви от папства, ставшего ненавистным за признание им других, западных, монархов на ряду с римско-византийским императором.

Сепаратистические настроения имели уже настолько глубокие корни, что им стали поддаваться даже многие благочестивые представители восточного клира.

Заметим еще, в заключение этой главы, что в эпоху Фотия во Франции появились так называемые Лже-исидоровы декреталии, сборник папских постановлений разных времен, из которых впоследствии некоторые оказались поддельными. Подделка имела целью укрепить положение епископов, особенно во

Франции, перед напором светской государственной власти, и ответственность за нее падает конечно не на римских пап, а на каких-то заграничных недобросовестных епархиальных юристов. По этому поводу православный ученый, проф. А. С. Павлов пишет: «Появление этих подлогов объясняется тем преобладающим значением, какое имели на западе папские *epistolae decretales*... Власть папы в то время была уже такова, что его голос имел решающее значение для всего христианского запада не только в вопросах дисциплины или права, но и самого вероучения» (12). Из этого и многих других, выше приведенных, свидетельств видно насколько расходятся с истиною все те, кто приписывает Лже-исидоровым декреталиям существенное значение в развитии папской архипастырской власти (13).

(1) *Россия и Вселенская Церковь*, перевод Г. А. Рачинского, Москва 1911, стр. 31.

(2) Там же, стр. 53.

(3) Малицкий, II, стр. 225 сл.

(4) Терновский, стр. 403.

(5) Малицкий, II, стр. 277 сл.

(6) Суворов, *Учебник*, стр. 52 сл.

(7) Там же, стр. 53 сл.

(8) Н. Суворов, *Византийский Папа*, стр. 133 сл.

(9) Читатель найдет соответствующие доказательства в любом католическом догматическом трактате о Пресв. Троице и, в сокращении, в упомянутой нами книге о Волконского, стр. 339-354.

(10) Деяния Всел. Соборов, Казань 1909, стр. 94.

(11) Свящ. Г. В. Флоровский, *Византийские Отцы V-VIII веков*, стр. 204.

(12) *Курс Церковного Права*, Сергиева Лавра, 1902, стр. 63.

(13) См. напр., возмутительную статью в *Православной Руси* от 15-28 мая 1950, стр. 7 слл.

Х. - ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ РАЗРЫВ.

Период от конца IX до половины XI века был эпохой тягчайших испытаний для папства. Римские магнаты и западные монархи, начиная с Карла Великого († 814), которого папа Лев III короновал Римским императором, были в значительной мере заражены тем же духом, что и византийские императоры, старой языческой идеей возглавления духовенства самодержцем. Они стремились подчинить себе папу. Все эти западные « сильные мира сего » завидовали греческим императорам и старались догнать их в умении отворачивать Церковь от ее вселенских заданий и направлять ее по узкому руслу своих политических затей. Они часто оказывали сильное давление на римское духовенство при выборе каждого нового папы. Подчас они вооруженною силою заставляли клир и верующих принимать их кандидатов на папский престол. Появился ряд пап весьма невысокого нравственного уровня, чрезмерно преданных своим покровителям. Монархи и бароны создавали и антипап, стремившихся устранить канонически избранного папу, чтобы захватить в свои руки первосвященническую власть. Чтобы отделаться от неугодного им папы, иные политические деятели или авантюристы не останавливались даже перед убийством. В те времена на Западе, как и на Востоке, « влияние светской власти на дела Церкви... выразилось в избрании высшего духовенства... Вследствие этого состав западного духовенства слагался из

таких лиц, которые часто не могли удовлетворять самым скромным требованиям папского служения... Светские владетели стали вмешиваться в чисто церковные дела » (1).

В связи с этим господствовавшим тогда как на востоке, так и на западе, цезаропапизмом, понижение нравственного уровня пап породило и ослабление их ревности в деле охранения единства Церкви и священнической иерархии. Между тем как все подлинно святые, самоотверженные, насквозь проникнутые евангельскими началами папы — Келестин, Лев Великий, Григорий Великий, Мартин, Агафон и др. — энергично сопротивлялись принципу поглощения все-ленской Церкви империей и бесстрашно требовали послушания от всех епископов, недостойные папы рассматриваемого нами периода не имели достаточно духовной силы, чтобы надлежащим образом противиться притязаниям императорских патриархов на независимость от римской кафедры ап. Петра и стремлениям, как восточных так и западных, светских властелинов разрывать Церковь на части, на « автокефалии ».

Со временем, становясь все более и более сверхнациональным центром, папство преодолело все эти препятствия. Самая идея папства, как она выражалась в писаниях и действиях великих и святых пап первых веков, мощно помогала папам средневековья сопротивляться попыткам западных монархов сделать из пап то, что византийские императоры сделали из константинопольских патриархов — орудия своей самодержавной политики, готовые в угоду властелину извратить самую сущность Церкви, подчиняя ее все-ленские задания узко понимаемым интересам государства и национальному эгоизму. Но в разбираемую нами эпоху моральная победа папства еще не была окончательно одержана.

Печальные события церковной истории X века наглядно показывают, как вредно отзывается на

жизни всей Церкви ослабление духовного авторитета Римского епископа, « главы всех глав ». Византийцы обыкновенно не понимали — как и теперь многие не понимают —, что коробящие их явления из жизни Римской церкви и истории папства порождены вовсе не избытком католического духа или « чрезмерным авторитетом пап », а как раз *наоборот* — удушением этого духа, ущемлением и порабощением папской власти, забвением « католической идеи ». Если бы в эпоху Фотия все христиане единодушно поддерживали папство, оно само лучше сопротивлялось бы духу мира сего и вернее исполняло бы свой долг по отношению ко всей Церкви, ибо оно органически связано с нею. Беда не в том, что те или иные носители папского сана были слишком будто бы проникнуты сознанием величия и ответственности этого сана, а наоборот в том, что они недостаточно признавали это величие и эту ответственность перед Христом, Главою Церкви. Как катастрофически непоследовательны те, кто из исторического факта страшных последствий слабого авторитета и нравственного порабощения некоторых пап выводит заключение, что папа должен быть лишен всякого авторитета и может быть только « первым по чести » епископом христианской Церкви!

Что больше всего раздражало греков, это самый факт признания Римом других монархов, кроме византийского. « Папа, передавший императорский скипетр западному варвару, становился вдвойне чуждым и враждебным грекам. Чтобы отнять у него всякую точку опоры в Константинополе, императорам достаточно было окончательно отказаться от своих еретических наклонностей, что давало возможность всем « православным » объединиться под знаменем антикафолицизма. Это и не замедлило случиться: « торжество православия » и раскол Фотия были византийским ответом на венчание на царство Карла Великого. Дело было не в богословском споре...: это

— старая империя Константина не хотела уступить места новой западной власти... Всё остальное было лишь предлогом и частностью » (2).

В то же время на Востоке уже было мало таких подвижников как св. Софроний или св. Флавиан, смело державшихся идеи единства Церкви под главенством преемников апостола Петра. Почти забыты были заветы Афанасия Великого, Василия Великого, Григория Богослова, Амвросия, Максима Исповедника и других отцов Церкви относительно невмешательства императоров в дела Церкви и независимости ее от государства. Массы постепенно свыкались с тем, что восточная Церковь стала национальным учреждением. К концу IX века император Василий Македонянин сочинил т. н. епанагогу, закон во многом касающийся Церкви. « В епанагоге... византийский законодатель говорит только о константинопольском патриархе и в нем видит, так сказать, шпигу византийского священства... Епанагога ничего не знает о римском епископе, высшую власть которого еще незадолго перед тем признавали Максим Исповедник и Феодор Студит, ...точно так же, как не знает церкви и государства, как двух общений. Церковь и государство составляют один церковно-государственный порядок... Канонисты... изображали положение царя, усваяя ему и учительское, и священническое достоинство, и попечение о душах и телах подданных, и преобразование канонов законами » (3).

Но несмотря на то, что в Византии старая христианская идея подчинения религии государству всё более и более вытесняла высокое представление о Церкви великих « столпов православия », после Фотия « единение греческой церкви с римским папою продолжалось 150 лет, в течение которых власть римского престола признавалась и на Востоке. Доказательством тому служат обращения греческих императоров к римским епископам в 993 и 1019 г.; первый раз об утверждении патриарха Феофилакта, и

второй раз с просьбой о признании папою за константинопольским патриархом титула вселенского...»⁽⁴⁾. А « патриарх Николай Мистик..., не встретивший никакой поддержки в римских легатах..., не сделал ни малейшей попытки возобновить религиозную полемику с Римом. Что факт существования западной империи был в высшей степени неприятен в Константинополе, и что по этой причине могли прорываться крайне неприязненные чувства по отношению к западу вообще, в этом не может быть никакого сомнения, но о церковном разрыве серьезно не думали ни на западе, ни на востоке, хотя мысль о таком разрыве иногда проявлялась с восточной стороны. В отчете Луитпранда кремонского рассказывается, что Никифор Фока (963-969) унижительным образом третирует посольство западного императора, что Оттону I отказывалось в титуле Августа Римлян... Но что касается религиозных вопросов, Никифор ограничился иронией... и воспретил в Апулии и Калабрии употребление латинского обряда, предписав совершать богослужение по греческому обряду »⁽⁵⁾.

Таково было положение, когда на константинопольскую патриаршую кафедру вступил Михаил Керуларий (1043-1058). « Многие церковные исследователи называют Михаила виновником разделения восточной и западной церквей »⁽⁶⁾. « Главным деятелем в окончательном разрыве между востоком и западом был патриарх константинопольский, более чем кто-либо желавший быть признанным главою восточной церкви... В 1053 году патриарх Михаил Керуларий, не надеясь на какие-либо уступки со стороны Рима, вступил с ним в открытую борьбу »⁽⁷⁾. Тогдашние византийские патриархи всецело отдавались политике. « В особенности же внимания историка и канониста заслуживает патриарх Михаил Керуларий, царененавистник и демагог по современным о нем отзывам..., желавший законополагать царям...,

устроивавший политические перевороты... и украсивший себя знаками императорского достоинства» (8).

«Нет сомнения, что патриарх обдумал заранее план своих действий против Рима, прежде чем сделать решительные шаги... В Константинополе существовали латинские церкви для проживавших там латинян, подобно тому как в Италии и в самом Риме существовали церкви и монастыри греческого обряда... Закрывая латинские церкви в Константинополе, патриарх предписал всем латинским священникам, аббатам и монахам следовать греческим обрядам, угрожая им, в случае упорства, анафемою... Римские легаты констатируют факт растоптания ногами латинских освященных Даров, при закрытии латинских церквей, патриаршим сакелларием («казначеем»; С. Т.)» (9).

Керуларий продиктовал двум своим единомышленникам два антикатолических трактата. «В обеих полемических статьях против Рима, ничем на этот раз не вызванных со стороны Рима, важнейшая латинская разность — учение об исхождении Св. Духа и от Сына — не упоминается; из обвинений, выдвинутых некогда патриархом Фотием, упоминается только пост в субботу и латинский взгляд на брак духовенства; остальные пункты выставляются в первый раз..., на первый план выдвигаются опресноки (употребление безквасного хлеба за литургией; С. Т.)... Для греков вообще вопросы культа имели огромную важность, и даже относительно высокообразованного патриарха Фотия нельзя отрицать, что латинские обрядовые разности он ставит в своей энциклике наряду с учением о Св. Духе и даже не с этого последнего начинает, а напротив им заканчивает исчисление латинских заблуждений. Еще ведь и гораздо раньше Фотия Трулльский собор 692 г. хотел наложить на запад греческий обряд, между тем как на западе никто не думал налагать на греческий восток латинский обряд» (10). Только позже Керуларий

додумался использовать для своих властолюбивых целей возражения Фотия на счет исхождения Духа Святого. « Керуларий действительно потом упоминает об исхождении Св. Духа, но не в каком-либо документе, обращенном к западу, а в послании к Петру антиохийскому, и притом в числе многих других, даже мелочных пунктов, как бранобритие, ношение епископами колец на руках » (11).

« Керуларий ожидал установления такого отношения Константинополя к Риму, при котором церковь константинопольская не считалась бы членом и дочерью римской, как главы и матери, а признавалась бы со стороны Рима такою же главою и матерью для востока... Но папа не обнаружил никакой склонности к удовлетворению желания патриарха » (12). Впрочем вскоре выяснилось, что Керуларий мечтает быть главою всей Церкви. « Дело шло очевидно не о достоинстве и правах патриаршей константинопольской кафедры, а о власти на целом востоке, и даже с безмерными, с исторической точки зрения совершенно необоснованными, притязаниями на авторитет в западном мире » (13).

Чтобы отвратить симпатии антиохийского патриарха Петра от Рима, Керуларий написал ему послание, которое « бросает неблагоприятный свет на константинопольского патриарха... В послании Керулария к Петру говорится о разных заблуждениях латинян..., об употреблении ими в пищу свинины и даже кожи, об исхождении Св. Духа и от Сына..., о неправильном способе причащения, состоящего будто бы в том, что один вкушает опресноки, а другие целуют его, в этом якобы целовании и поставляя причащение..., о непочитании латинянами мощей и даже св. икон... Но, что всего важнее, что наиболее тяжко из всех их заблуждений, проговорился Керуларий, это — рассуждение легатов, что они пришли де сюда не для того, чтобы их учили... Легаты, разумеется, прибыли в Константинополь, как предста-

вители епископа считавшего себя высшею церковною властью, и притом же отправленные к императору, а не к патриарху, и поэтому Керуларий напрасно ожидал, что они воздадут ему такое же *поклонение*, с которым обращалось к нему греческое духовенство. А место, которое указывал им Керуларий — ниже греческих митрополитов — было уже совершенным нарушением традиционного церковного порядка. Из истории известно, что раньше легаты (представители папы Римского; С. Т.) даже на вселенских соборах занимали всегда место выше самих патриархов, а не только греческих митрополитов, и ссылка Керулария на *изначальный* обычай свидетельствует или о незнании истории, или о сознательном уклонении от правды» (14). Суворов упоминает и о многих других извращениях истины, которые заключаются в этом послании Керулария.

« Ответное послание Петра антиохийского Керуларию не могло быть приятно для последнего... Петр начинает с поправки грубой исторической ошибки, касающейся времени исключения пап из церковных диптихов, из учтивости, впрочем, приписывая невежество не самому Керуларию, а его хартофилаксу (секретарю; С. Т.). Петр говорит, что стыдится за содержание полученного им послания, особенно если подобное же послание отправлено и к другим патриархам... Вигилий, поучает Петр Керулария, был во время пятого, а не шестого собора... Что касается скверноядения..., то подобное найдется и у нас, ибо в Вифинии, Фракии и Индии едят сорок, галок, голубей, земляных ежей, — ведь никакое творение Божие не должно быть отвергаемо..., о чем свидетельствует книга Деяний... Антиохийский патриарх взывает к константинопольскому о мире и братской любви..., от варварских народов нельзя и требовать того, что требуется от людей воспитанных. Достаточно и того, если они правильно исповедуют Св. Троицу и таину воплощения... Обвинение ла-

тинян в непочитании икон Петр прямо отвергает ссылкой на то, что папа Адриан, «председательствовавший на седьмом соборе», анафематствовал иконоборцев, ... что франки-паломники (паломники из западной Европы; С. Т.), в бытность на востоке, посещают здешние храмы и воздают святым иконам всяческое почтение. Потом еще раз антиохийский пастырь горячо и усиленно просит константинопольского патриарха не доводить дела до разрыва. Послание его есть ценный исторический документ, свидетельствующий о том, что на востоке нашелся в то время человек христианского чувства и здравого смысла..., не допускавший мысли о разрыве даже из-за таких заблуждений, которые он считал важными» (15). Но Керулария нельзя было переубедить: он решил принести единство Церкви в жертву своему властолюбию. А на Востоке уже было слишком мало «людей христианского чувства», чтобы удерживать византийцев в единении с Католическою Церковью.

Положение было трудное, натянутое. Папскому главному легату Гумберту подобало проявить много самообладания, терпения и любви. К сожалению он оказался не на высоте своего ответственного задания. Никиту Стифата, вслед за Фотием и Керуларием называвшего западных христиан «дикими кабанам», он публично назвал «глупейшим осла», «не лучшим бешеных собак Юлиана и Порфирия». Суворов пишет: «Римские легаты оказались... людьми несдержанными и бестактными. Выведенные из терпения уклончивостью Керулария..., легаты решились смирить патриарха публичною демонстрацией... И вот 16 июля 1054 г. они вошли в храм св. Софии, полный молящегося народа, и, после произнесения речи пред народом, в которой жаловались на упорство патриарха, положили на престол грамоту, содержащую в себе приговор об отлучении Керулария и его единомышленников, потом, выходя из

храма, оттрясли прах от ног своих » (16). Этим они конечно никого не обратили на путь покаяния. Вместо того, чтобы высказать традиционное благожелательное отношение Св. Престола к разным обрядам, они в своей грамоте отрицательно отнеслись к некоторым греческим обрядам, чем оттолкнули от себя многих.

Керуларий совсем рассердился и после неудачной попытки завлечь легатов в Софийскую церковь и там, прочитав грамоту легатов в искаженном виде, натравить на них народ, он « произвел бунт в народе, так что император был вынужден выдать патриарху головой состоявших при легатах переводчиков » (17). После этих событий Керуларий повел интригу против императора, который помешал ему отомстить легатам по своему. Он составил « синодальный эдикт », полный подделок, который « производит прискорбное впечатление... Что патриарх был мстителен..., в этом не может быть никакого сомнения... Он ни с кем никогда не обходился кротко. Он сердился на многих за то, что, сорок лет тому назад, проходя по улице или по дороге, не приветствовали его... » (18).

Покончив с легатами окончательным разрывом и захватив в свои руки высшую власть в восточной церкви, Керуларий стал помышлять о том, чтобы устранить неудобного ему императора и самому сделаться как бы сверх-императором. Изобразив самонадеянность императора Исаака Комнена, греческий канонист и историк Зонара продолжает: « Но и патриарх не уступал ему в гордости, а хотел приказывать ему, и если ему когда-либо не удавалось получить просимого, досадовал на это, угрожал и запрещал и наконец грозился, что как он дал ему царство, так и отнимет его у него » (19).

« Итак патриарх, недовольный Комненом, замыслил государственный переворот с целью низвер-

жения... императора » (20). Но император решил действовать заблаговременно. « Он послал отряд варягов в место нахождения патриарха. Солдаты с бесчестием стащили патриарха с трона и, посадив на мула,... отправили в Проконес для заточения, а оттуда на один из островов Архипелага » (21). Решено было предать Керулария суду. Философ-юрист Пселл приготовил обвинительную речь. « Обвинитель выставил пять пунктов: 1) ересь или нечестие, 2) тираннию, 3) убийство, 4) святотатство и 5) безразличие. Под ересью обвинитель понимает приверженность патриарха к хиосским монахам с их пророчицей и к занятиям алхимией... Под тираннией разумеется незаконный захват власти... Под убийством разумеется прикосновенность патриарха... к кровопролитию, которое произошло накануне прибытия Комнена в столицу... » (22).

Но суд над патриархом не состоялся, так как Керуларий умер в заточении до этого. Ему удалось разжечь в народе ненависть к богоустановленной верховной церковной власти, но устранить императора он так и не сумел. Весь этот замысел и все расчеты патриарха указывают на то, что в его время был уж очень силен греческий *национализм*: убеждение греков, что именно они обладают православием, что всё не-греческое не-православно. « Торжество православия » вырождалось в торжество греческого шовинизма, в извращение религии в угоду национальной гордыне. Этот национализм постепенно вытеснял старые цезаропапистические традиции, которые его породили. Вот почему впоследствии, до Флорентийского собора включительно, когда иные византийские императоры, видя опустошения причиненные цезаропапизмом и желая спасти Византию, помышляли о возвращении греков в единое стадо вселенской Церкви, они не могли уже справиться с сопротивлением масс, придававших своим националь-

НЫМ, ШОВИНИСТИЧЕСКИМ ВЗГЛЯДАМ НА ХРИСТИАНСТВО
ЧУТЬ ЛИ НЕ ДОГМАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ.

(1) Малицкий, II, стр. 217.

(2) Соловьев, *Россия и Вселенская Церковь*, 1911, стр. 55.

(3) Суворов, *Учебник*, стр. 466 сл.

(4) Забужный, стр. 170.

(5) Суворов, *Византийский Папа*, стр. 16.

(6) *Правосл. Богосл. Энциклоп. Словарь*, изд. Сойкина,
ст. 1577.

(7) Суворов, *Учебник*. стр. 54.

(8) Там же, стр. 468.

(9) Суворов, *Византийский Папа*, стрр. 29 сл.

(10) Там же, стрр. 33 сл.

(11) Там же, стр. 35.

(12) Там же, стр. 41.

(13) Там же, стр. 71.

(14) Там же, стрр. 47-50.

(15) Там же, стрр. 53-56.

(16) Там же, стр. 57.

(17) Там же, стр. 59.

(18) Там же, стрр. 63 сл.

(19) Зонара, III, 668.

(20) Суворов, *Визант. Папа*, стр. 118.

(21) Там же.

(22) Там же, стр. 121.

XI. - ПОСЛЕ РАЗРЫВА.

В то время как назревало окончательное отделение византийской « вселенской » патриархии от единства вселенской Церкви, христианство с варяжского севера, с немецко-славянского запада и с греческого юга проникало на Русь и там распространялось. Когда Керуларий трозил самому императору, « крещение Руси » было уже давно совершившимся событием. Балканские славяне также уже были отчасти просвещены светом Христовым. Греческий раскол не сразу восторжествовал во всех этих странах. Братские сношения Руси с католическим западом продолжались даже после трагедии 1054 года. Послушаем проф. Таубе.

« Через жену и детей Ярослав (Мудрый) вошел в близкое свойство с королевскими домами Швеции, Норвегии, Польши, Венгрии, Франции, не говоря о нескольких германских княжеских домах. Все эти браки не могли не способствовать сближению Киева с соответствующими странами католического запада, не только светско-политическому, но и духовному... За Анной Ярославной, невестой короля Генриха Французского, является в Россию целая депутация католических епископов из Франции. И королева Анна останется, так сказать, символом этого католического периода истории Руси. В Париже она молится над своим церковно-славянским Евангелием и в то же время всей душой входит в круг идей западного латинского христианства. Уже овдовев...,

она строит церковь в Сенли во имя священномученика Викентия, диакона Сарагосского, с аббатством для каноников-августинцев, а один из ее сыновей (Гуго) является одним из главных предводителей первого крестового похода. Игумен Даниил, исхивший Св. Землю в княжение Святополка II Михаила, не мог не быть встречен там радушно соратниками двоюродного брата своего князя» (1). Этот русский игумен Даниил оставил нам знаменитое описание своего паломничества и встреч с католиками латинского обряда: в нем нет и следа вражды к католичеству, наоборот.

« XII или XIII веку принадлежит несколько полемических памфлетов против латинян, иногда прикрывавшихся... известными на Руси именами или возникших, будто бы, в эпоху еще ее крещения. Таково, например, *Слово* неизвестного греческого монаха Феодосия — конечно отнюдь не преподобного Феодосия, игумена Печерского, друга ярко “ католического ” князя Изяслава... Но ни русские князья, ни подлинно русское духовенство, ни народ русский, не очень быстро поддавались на эту глухую работу греков (вообще, в России мало популярных), тем более, что... вопрос о главенстве папы и стремление Керулария создать параллельное папство на востоке тщательно замалчивались в этих нападках на Рим... В знаменитом своем слове *О законе и благодати* подлинно-русский митрополит Иларион (1051-1055) не находит еще ни слова осуждения по адресу западных христиан... Феофилакт болгарский, архиепископ Охридский (XII век), утверждал, что ни одно из этих обвинений (возводимых греками против латинян; С. Т.) не касается собственно сущности веры Христовой и все они объясняются только взаимным национальным соперничеством » (2).

« Ярополк-Петр., определенно “ католический ” русский князь эпохи после разделения церквей, к тому же ходивший к папе в Рим и бивший ему че-

лом Русскою Землею, был православною церковью причислен к лику святых. Его память празднуется 21 ноября» (3).

В 1087 г. состоялось неприятное для греков перенесение мощей св. Николая из византийского города Миры в италийский город Бари. Праздник установленный по этому поводу папою, немислимый конечно в Византии, был немедленно усвоен и на Руси. Это и есть наш «вешний Никола», 9 мая.

Таубе приводит целый ряд фактов, из которых явствует, что Русь долго сопротивлялась усилиям Византии навязать ей чисто греческую антикатолическую религиозность.

К сожалению, славяне, отчасти под влиянием не-христианских народов, у которых религия определяется племенным, национальным, началом, и еще более под влиянием восторжествовавшей в Византии древне-римской идеи возглавления духовенства императором, постепенно привыкли смешивать до отождествления национальные соображения с чисто церковными вопросами и вероисповедными убеждениями. Так на Руси наши предки стали приписывать «латинству» все обиды и оскорбления, которые им подчас приходилось испытывать со стороны западных соседей. А обиды эти бывали не малы. «Никакой западник не может и не должен забыть того величайшего греха перед общей христианской культурой, который западный мир взял на себя в первую половину трагического для России XIII века. Ибо в то время, когда восточное христианство взывало о помощи к западу против наседавших на нее азиатских варваров, франкские крестоносцы на юге, подстрекаемые жадностью венецианцев, несмотря на запрещение папы, грабили Константинополь, а на севере — шведы, датчане и немцы тремя грозными параллельными течениями вторгались в Россию, уже обесиленную от татарских ударов. И не даром эта эпоха умирающей западной ориентации и нарождающейся

восточной дала нам два ярких типа святых Русской церкви — диаметрально противоположных идейно, но одинаково понятных в ужасных условиях XIII века: тип стойкого исповедника веры Христовой, как древние христианские мученики, не преклонившего колен ни перед великим ханом, ни перед его идолами, и за то зверски замученного в Орде, св. Михаила Черниговского, пылкого сына королевы польской Марии Казимировны и, повидимому, поборника воссоединения с Римом..., и тип стойкого борца-рыцаря, св. Александра Невского, борца с нападавшими с запада пришельцами, ради родной земли снесшего все унижения в той же ханской ставке » (4). Конечно все эти « пришельцы » были только по имени католиками и причиняли не мало огорчений папам; но под влиянием Византии Русь видела в них « латинян ».

Только что упомянутые « франкские крестоносцы » также не мало способствовали углублению той пропасти, которая в наши дни отделяет восточных христиан от католиков. Крестоносцы были призваны папами и несколькими святыми проповедниками освободить священные места Палестины из рук неверных. И действительно вначале они совершили ряд подвигов в борьбе с заклятыми врагами христианства. Но вскоре среди них оказалось довольно много авантюристов и людей мало религиозных, совсем лишенных католического духа, непокорных папе Римскому. Они то перессорились с греками и, во время четвертого похода, страшно разграбили Константинополь. По этому поводу возмущенный папа Иннокентий III писал Венецианскому дожу (главе государства): « Руки насильников разграбили сокровища алтарей, оскорбили Создателя... Как может Апостольский престол защищать тех, кто наносит нам такие оскорбления? » (5). Всем вождям этого похода папа писал, что они не смогут получить отпущения грехов, если будут « приступать к разделу церковного имущества Греческой Империи ». А в письме к своему

легату Иннокентий III еще раз строго осуждает поведение латинян в Константинополе и продолжает: « Там, где мы надеялись найти... поводы к радости, там мы нашли только основания для забот и опасений... Латиняне дали Греческой церкви только примеры безнравственности и преступлений. Естественно, что греки будут ненавидеть латинян как собак. Наши защитники Христа должны были обратить свои мечи против неверных, а вместо того они обагрили их в христианской крови. Они не пощадили ни духовное звание, ни возраст, ни пол. Они совершали прелюбодеяние и кровосмешение под открытым небом. Матерей семейств, девиц и даже тех, которые посвятили себя Богу, они предали неистовой грубости солдат... Можно было видеть, как они срывали с престола серебряные покровы, разбивали их на мелкие части и ссорились между собою при их дележе... » (6).

Заметим еще, что иные из вождей крестоносцев вовсе не хотели воссоединения греков с Римом, так как не без основания опасались, что папа будет ставить еще большие препятствия их произволу и их расправам с греками.

Впрочем греки жестоко мстили « латинянам » и проявляли такое же, если не худшее, отсутствие христианских чувств. Так, во время восстания греков в Константинополе во второй половине XII века « целая часть Константинополя, населенная латинянами, была сожжена, церкви, в которых они искали себе убежища, были преданы огню. В латинском госпитале больные были сброшены с своих кроватей. Даже кости умерших латинян были вырыты из могил и влачимы по улицам и переулкам. Папский легат, кардинал Иоанн, был обезглавлен, голова его была привязана к хвосту собаки, которая и разгуливала по городу. Более четырех тысяч латинян продано было в рабство туркам » (7).

Всем известно, что подобные же неистовства бывали и в столкновениях между греками и бол-

гарами или сербами. В Болгарии греки « изгоняли славянское богослужение..., истребляли славянские книги и рукописи. В 1825 г. терновский митрополит-грек сжег найденную древнюю библиотеку терновского патриархата... По требованию греческого синода возмущившиеся (болгарские) епископы были отправлены в ссылку » (8). Такие же трагедии происходили и в столкновениях между греками и румынами. « Князя-фанариоты (9) систематически и сознательно преследовали две главных цели: 1) полное ограбление народа и окончательное обеднение его и 2) проведение идеи эленизма в Румынии... Князь Н. Маврокордато († 1730) ...ограбил монастыри... Самую религию фанариоты старались обратить в орудие порабощения себе румын... Началась самая беззастенчивая эленизация румынских княжеств путем греческой религии. ...Страшный удар румынской народности наносился назначением митрополитов из греков... Турки сами по себе никогда не причинили бы столько вреда румынам, сколько нанесли им князя-фанариоты, действовавшие в союзе с фанариотским духовенством » (10). А у нас на Руси « князь, строивший в своем городе церкви и монастыри, подававший милостыню, прославляемый летописцем, как князь благочестивый, грабил и жег церкви и монастыри в чужом уделе, истреблял чужих смердов и их животы, и потом на счет чужого добра и чужих, православных же, святынь украшал свои святыни » (11). Ясно, что во всех этих случаях *религия не при чем*, на лицо уклонение от религии под личиной религиозной ревности. Так и во вражде между « латинянами » и византийцами « исхождение Св. Духа и от Сына », опресноки или едение латинянами кожи — только предлог: суть дела в национальном самолюбии и узко-поместном соперничестве, в отсутствии подлинно христианского понимания церковного единства, в неуважении к догматам, ставшим средством политической борьбы.

Нечто подобное можно сказать и об отнятии « католиками » церковей у « православных » и « православными » у « католиков ».

Достигнув своей цели — разрыва с Римом и превращения византийской церкви в государственное учреждение —, восточные императоры, как того и следовало ожидать, стали еще беззастенчивее уродовать лик Невесты Христовой. Лишь немногие из них серьезно помышляли о примирении своей « вселенской » патриархии с вселенскою Церковью; но даже и эти властелины руководились более политическими соображениями, чем духовными; к тому же они не могли уже справиться с нациопапизмом, искажением веры шовинизмом.

« В рассматриваемый нами период Восточной церкви от начала крестовых походов до окончательного падения Константинополя мы встречаемся с такими государями, которые смотрели на себя, как на верховных распорядителей в делах церкви, ставили себя выше ее иерархов. Подобные неправильные, спутанные понятия об отношении высшей светской власти к церкви с замечательным самособолением выражает император Исаак Ангел, когда говорит: “ царям всё позволительно делать, потому что на земле нет никакого различия во власти между Богом и царем; ...между Богом и ними нет расстояния ”. При другом случае... тот же Исаак прямо именуется себя... опытным правителем церкви... Некоторые Византийские императоры в своем царском титуле употребляли выражение *святый*... По словам Никиты Хониата (византийского историка; С. Т.), “ для большей части Византийских царей решительно невыносимо только повелевать государством, ходить в золоте, пользоваться общественным достоянием, как своим. Они почитают для себя крайнею обидою, если их не считают мудрецами..., богодухновенными руководителями, вернейшим правилом из правил, одним словом: непогрешимыми судиями

дел божеских и человеческих ” » (12). Отметим огромную разницу между этой « непогрешимостью », будто бы присущей всем решениям греческого императора, и папской безошибочностью: папа не безгрешен, а его догматические определения безошибочны не в силу его личной « мудрости » или святости, а силою и мудростью Духа Святого, Божиего провидения, которое не может допустить, чтобы верховный учитель Церкви, определяя догмат веры, вводил всю Церковь в заблуждение.

« Лица, приближенные к императорам и непосредственно зависимые от них, из лести или суетных расчетов, нередко старались поддерживать в Византийских императорах указанное самомнение; при столкновении церковной власти с государственной, различные сановники и судьи брали сторону гражданской власти в ущерб для авторитета церковного, ссылаясь на то, что власть царская стоит превыше всего... Здесь мы должны привести... мнения известного греческого канониста XII века, патриарха Антиохийского Вальсамона. Вальсамон говорит: “ императоры и патриархи должны быть уважаемы, как учителя (церкви) ради их достоинства, которое они получили через помазание миром. Отсюда то происходит власть правоверных императоров наставлять христианский народ и, подобно иереям, приносить Богу курение. В этом их слава, что, подобно солнцу, блеском своего православия они просвещают мир с одного его конца до другого. Мощь и деятельность императора — касаются тела и души человека, тогда как мощь и деятельность патриарха касаются только одной души...” ...В том же роде, как и Вальсамон, судит о власти и значении государей в Византийской церкви и другой представитель церковного авторитета — Димитрий Хоматин, архиепископ Болгарский (XIII век). Он пишет: “ император, который есть и называется всеобщим верховным правителем церквей, стоит выше определений соборов; этим определениям

он доставляет надлежащую силу. Он есть мерило в отношении к церковной иерархии, законодатель для жизни и поведения священников, его ведению подлежат споры епископов и клириков и право замещения вакантных кафедр... Как древние римские императоры подписывались: *понтифекс максимус*, таковым же должно считать и теперешних императоров... Подобно тому, как Спаситель, будучи помазанником, есть и чтится, как первосвященник; так и император, как помазанник, украшается благодатью первосвященства". В воззрении на власть императорскую в церкви с Димитрием Хоматином согласен и писатель церковный Макарий Анкирский (XIV век). Этот писатель... старается доказать, что император, будучи помазанником Божиим, ... становится архиепископом, иереем и учителем веры... Императоры поднимают догматические вопросы, императоры деятельно участвуют в богословских спорах, императоры наклоняют в этих случаях решения церковные в пользу своих мнений и проч. Но особенными злоупотреблениями сопровождалась присвоенная императорами власть по своему желанию и расчетам назначать патриархов. Желая быть неограниченными распорядителями в церкви, они нарочно избирали в патриархископлицы таких лиц, которые были бы безгласны и послушны... Византийские историки... перестали видеть в этом что-либо ненормальное, несообразное с правилами» (13).

Против этого вопиющего извращения самой сущности Церкви протестовали лишь немногие. Так Симеон, митрополит Фессалоникийский (XV век), писал: «Епископ считается неизмеримо ниже императора... Епископ в настоящее время падает ниц пред императором и целует правую руку..., назначение которой держать меч, и, о срам, епископ стоит, когда император сидит! Для епископа, как заместника Христа, всё это неприлично, и посрамление простирается на самого Христа... Отсюда все наши беды и

несчастия. Если мы будем воздавать Кесарю кесарево, а Божие Богу, то благословение Божие будет почивать на всем» (14). Иные византийские патриархи, пытались было несмело протестовать; но они, конечно, не могли изменить положения, существенно и неизбежно вытекающего из факта отделения патриархии от Католической Церкви. Только очень немногие греческие иерархи помышляли о возвращении в Католическую Церковь, и притом по чисто религиозным побуждениям. Таким был, например, патриарх Иоанн Векк. О нем даже крайне антикатолически настроенный Малицкий пишет: « Это был человек редких духовных дарований; он отличался красноречием и был выдающимся богословом своего времени; в сравнении с ним большинство ученых его современников казались школьниками. Византийские историки Пахимер и Григора делают самые восторженные отзывы о нем, как о глубоком богослове и красноречивом ораторе. К сожалению, Векк не устоял в православии (?каком православии? С. Т.) и склонился вместе с императором к унии с Римом. Все его многочисленные сочинения написаны им или в защиту унии, или составляют полемические трактаты против тех писателей, которые выступали против латинян. Умер он в заточении в тюрьме в 1293 году» (15). Так нередко умирали в ту эпоху в Византии преданные вселенской Церкви подлинно православные пастыри и архипастыри.

С отпадением от Рима на Востоке почти совершенно прекратилась прежняя интенсивная соборная жизнь: вселенских соборов совсем не стало, а поместные соборы стали уж очень « поместными ». « Византийский папа » мог одно время господствовать над частью Востока, над Русью и Балканами; его патриархия состояла из 624 епархий. Но вскоре, в силу того же племенного, земного, совсем чуждого первоначальной Церкви принципа, который побудил его восстать против Рима, эти епархии и поместные нацио-

нальные церкви стали одна за другой отделяться от него; сегодня все его пасомые могли бы удобно проживать « в двух или трех американских небоскребах ».

*
* * *

На Руси наши великие князья, цари и императоры не присвоивали себе права решать догматические вопросы; это делает им честь. Иные из них много сделали для поддержания в народе благочестия и сами проявляли глубоко христианские убеждения. Но они всё же продолжали идти по пути, указанному им византийскими императорами, поскольку, если не в теории то на деле, правили Русскою Церковью и издавали законы касающиеся чисто церковной жизни. « Един есть православный великий русский царь во всей поднебесной..., правя и окормляя Христову Церковь », говорил Филофей в своей теории о Третьем Риме (16). Всякий раз как открывалась возможность соединения, или хотя бы только сближения, с Католическою Церковью, противодействие благодатным устремленностям к единству Церкви исходило не столько от благочестивых подвижников — мнения которых обыкновенно никто не спрашивал и которые не имели даже возможности знать всю правду на счет византийского раскола —, сколько от сильных мира сего, от политической власти, от государственных сановников, от цезаропапистски настроенного клира и монашества, или, особенно в XIX веке, от вождей общественных движений. Когда митрополит московский Исидор подписал постановления Флорентийского вселенского собора, не какой-либо русский святой оказал ему сопротивление, а политическая, земная власть: великий князь Василий Васильевич заключил митрополита в темницу и под страхом строгого наказания запретил осуществлять постановления собора. В XVI веке в Москве величайшим врагом вселенского

единства Церкви был не святой митрополит Филипп, а его гонитель, Иван Грозный.

Россия получила от Византии два наследия: церковно-духовное и антицерковное, цезаропапистское, сепаратистическое. К первому следует отнести: все древние догматы, общие католикам и православным, осознанные и определенные при участии и одобрении пап; духовные наставления великих подвижников первых веков христианства, которые создали католическую аскетику; многие сочинения Отцов Церкви, по большей части жертв цезаропапизма; монашеские уставы таких убежденных «папистов», как св. Феодор Студит; обряды и богослужебные молитвы, насквозь проникнутые католическими началами; иконописные предания. Ко второму: порожденное языческой «римской идеей» возглавление Церкви монархом с устранением папства; церковная отчужденность, обособленность, замкнутость; злоупотребление церковными и духовными ценностями для политических и государственных целей; появление чуждых Евангелию национальных автокефалий, и т. п. И то и другое наследие приумножилось у нас, принесло свои плоды. Первое дало: Святую Русь — св. Сергия Радонежского, св. Нила Сорского, «Северную Фиваиду», св. Серафима Саровского, старцев, странников, молчальников, затворников, просветителей Севера и Востока; глубоко назидательное почитание Богородицы и святых; богатую духовную культуру; расцвет иконописи и церковного зодчества; чудное церковное пение. Второе же наследие повело к пагубным для Святой Руси последствиям.

Между тем как антихристиански настроенные элементы нашего общества охотно соприкасались с мировым интернациональным безбожием, учились у него, помогали ему укрепляться в России, наша «здравомыслящая» общественность не только не пыталась преодолеть соблазн церковного сепаратизма, не искала сближения с подлинно вселенскою, католическою, Ри-

мом объединяемую Церковью, издавна закаленную в борьбе с безверием, но подчас стремилась углубить пропасть между русской религиозностью и католическим миром. За очень редкими исключениями, католикам, и притом не только полякам, было запрещено иметь свои школы, монастыри, издательства. В учебных заведениях, на разных собраниях, в проповедях, в печати, среди взрослых и детей, на счет католичества была постоянно распространяема заимствованная на Западе у злейших врагов католичества грубая клевета, в роде того, что будто бы одно время Католическою Церковью правила «папесса Иоанна», что по католическому учению цель оправдывает средства, что папы благословили Варфоломееву ночь и т. д. А открыто опровергать всё это накопление клеветы обыкновенно не было никакой возможности. Папство, а посему и величайшая христианская Церковь, Церковь св. Льва Великого, св. Григория Двоеслова и св. Максима Исповедника, столпов подлинного православия, Церковь сотен тысяч святых и чудотворцев, — вот что в славянофильских кругах считалось «единой истинной язвой человечества» (17). Всё что за границей разные враги христианской веры и морали, или религии вообще, писали против исключительно ненавистной им Католической Церкви, всё это широко распространялось у нас под этикетом «беллетристики», «науки» или даже «обличительного богословия». О католичестве все у нас привыкли судить по «Легенде о великом инквизиторе» Достоевского или по романам таких антихристианских писателей как Золя. Вполне прав был известный русский мыслитель В. Розанов, когда он писал: «Касательно католичества у нас можно сказать существуют одни предрассудки и коротенькие смешки. Новая наша полемика против него есть только серьезная форма развития этих же смешков... О рабстве в католицизме навраны горы пустяков...» (18). Удивительно ли после этого, что в один совсем не прекрасный день Святая Русь оказалась придавленной

центральной твердыней мирового « диалектического материализма »? Страна наиболее зараженная последствиями византийской церковной политики сделалась *главным очагом* мирового безбожия.

Воинствующие атеисты высмеивают, устраняют и преследуют всё что в православии сохранилось положительного, духовного, благодатного, унаследованного от древней объединяемой Римом Церкви; они замучили тысячи православных священнослужителей и мирян не столько за их « политические настроения », сколько за их религиозную преданность подлинным ценностям православия. Но по основному пункту расхождения между отколовшимся греческим православием и православием вселенским, католическим, по вопросу вероучительского главенства Римского епископа, безбожники решительно и действительно стали на стороне автокефального православия против католичества. Ведь до поры до времени они идут на уступки всем без исключения вероисповеданиям, *поскольку* они видят в них союзную силу для борьбы с папством, для разрушения иерархического единства Церкви. Византийский принцип подчинения Церкви государству у них в почете и применяется с таким радикализмом, какого никогда не знала царская Россия.

Византийская империя давно уже не существует. Не стало и « третьего Рима ». Но трагические разрушения причиненные расколом видны повсюду. Цезаропапизм окончательно уступил место национализму, своего рода « национализации » оторванных от Рима поместных церквей. Искренний православный богослов, о. А. Шмеман, недавно писал: « Извращенный и болезненный национализм, ничего общего не имеющий с подлинно христианским отношением к своему народу, есть настоящая *ересь* (это слово подчеркнуто автором) в недрах Православной Церкви, действительно угрожающая делу спасения... В этом национализме повинны все мы — и русские, и греки, и все другие. И всем нам нужно каяться в этом попрании

самого основного из всех заветов Христовых, в по-
 прании самой основы Церкви — нового народа Бо-
 жия, в котором нет ни эллина, ни иудея, в котором
 только чада Божии, собранные воедино» (19). Сказан-
 ное о Шмеманом нуждается только в дополнении: и в
 католических странах, *поскольку* население уклонилось
 от «католической идеи», от послушания Св. Престолу,
 извращенный национализм делает большие опустоше-
 ния, разъединяет верующих, ослабляет их духовную
 жизнь и способствует распространению безбожия. Эта
 болезнь духа свирепствует повсюду, повсюду она ка-
 лечит и убивает не только веру, но и подлинную, хри-
 стианскую любовь к своему отечеству и к своему
 народу. Нациопапизм, византийский или иной, есть иска-
 жение церковной жизни и заветов Христовых племен-
 ным началом, коллективным эгоизмом, «самостью»,
 по выражению еп. Феофана Затворника. При нацио-
 папизме иерархия и церковный народ духовно бес-
 сильны, так как всё в руках «нации», масс, в которых
 обыкновенно преобладают люди слабо верующие или
 даже враждебно относящиеся к религии. Вредно отзы-
 ваясь на духовной жизни верующих, нациопапизм тем
 самым ослабляет «душу» народа: он медленно, но
 неизбежно, приводит народы к своего рода самоубий-
 ству. В больших государствах с разнообразным пле-
 менным составом он порождает опасные друг другу
 враждебные движения.

Настало время осознать трагедию церковных се-
 паратизмов и понять уроки ниспосланные Провиде-
 нием.

«Ищите же прежде царства Божия и правды Его,
 и это всё приложится вам» (Матф. 6, 33).

(1) Проф. М. А. Таубе, *Рим и Русь в до-Монгольский пе-
 риод*, в сборнике *Католический Временник*, II, Париж 1928,
 стр. 150.

(2) Там же, стр. 154.

(3) Там же, стр. 157.

(4) Там же, стр. 177.

(5) У Бускэ-Костылева, стр. 141.

(6) Там же, стр. 142. Весьма недобросовестно поступают те антикатолические историки, которые утверждают, что папа одобрял эти преступления.

(7) Малицкий, *История христианской Церкви*, выпуск последний, Тула 1911, стр. 7.

(8) Там же, стр. 28 сл.

(9) Жители Фанара, квартала в Константинополе, из влиятельных греческих семей.

(10) А. П. Лопухин. *История Христианской Церкви в XIX веке*, том II, СПб, 1901, стрр. 441 сл.

(11) Проф. П. Знаменский, *Учебное руководство по истории Русской Церкви*, второе изд., СПб, 1904, стр. 56.

(12) Проф. А. П. Лебедев, *Исторические очерки состояния Византийско-Восточной Церкви от конца XI до половины XV века*, второе изд., Москва 1902, стрр: 106 сл.

(13) Там же, стрр. 107 слл.

(14) У Лебедева, там же, стр. 115.

(15) *История христианской Церкви*, выпуск последний, стр. 89.

(16) *Православная Мысль*, V, Париж 1947, стр. 143.

(17) Хомяков, письмо X к Пальмеру.

(18) *Около церковных стен*, СПб, 1906, II, стрр. 212 и 354.

(19) *Церковный Вестник Западно-Европейского Православного Русского Экзархата*, 1950. Август-Сентябрь, стр. 18.

ПОСЛЕСЛОВИЕ.

Для всякого беспристрастного историка ясно, что великий раскол XI века есть, главным образом, плод древне-римских языческих пережитков в христианстве, неизбежный исход порабощения Церкви римско-византийской империей с подменом всецерковного католического вселенства национально-политическим «вселенством» этой империи. Глубоко ошибаются те, кто думает, что столкновение произошло из-за того, что будто бы возглавление Церкви на земле Римским епископом несовместимо с главенством Христа, живущего в соборном единении верующих: нет никакого противоречия между этими двумя принципами, ибо папы, орудия Христа Спасителя, лучше всего охраняли Его главенство и независимость Церкви от попыток подчинить ее главенству сильных мира сего; а церковная соборность процветала на Востоке лишь в эпоху до отпадения от Рима, после чего она в очень значительной степени выродилась и заменяется теперь раздирающими христианство национальными солидарностями. Антагонизм был в плоскости жизненной повседневной действительности: переселившиеся в Византию римские императоры и их ставленники на патриаршей кафедре «второго», политически законного, но в церковном отношении поддельного и самозванного, Рима — почти всегда старались держаться в стороне от органического развития всецерковной католической иерархичности по той простой и очевидной причине, что сами хотели возглавлять Церковь.

Но, как мы уже не раз напоминали, было бы несправедливо и грешно всю ответственность за столь пагубное для христианства событие возлагать на одних и всех греков. Ведь Византия дала миру не только еретиков и сепаратистов, но и таких противников языческих преданий и борцов за независимость вселенской Церкви от поместной империи, как св. Иоанн Златоуст, св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Максим и столько других, которые «плыли против течения». Византия имела и свои светлые стороны. В Византии долго процветала высокая духовная культура. Она дала Церкви многих святых подвижников, аскетов, мистиков. Византийское церковное искусство достигло высшей степени совершенства.

С другой стороны, за развитие византийского цезаропапизма, за раскол и его углубление в значительной мере ответственны очень многие и на Западе. Виноваты недостойные папы X и XI веков, которым для отстаивания главенства кафедры ап. Петра не хватало того духовного благодатного мужества, каким отличались в этом отношении великие папы-подвижники. Виноваты иные папские легаты проявившие несдержанность в спорах с византийскими иерархами и чиновниками. Виноваты западные цезаропапистски настроенные монархи, своими медвежьими услугами, а еще чаще враждебными мероприятиями, мешавшие развитию церковно-иерархической жизни и процветанию Церкви. Виноваты те иерархи и миссионеры, которые хотели навязывать Востоку все западные религиозные обычаи. Виноваты все шовинисты, как Востока, так и Запада, и все те, кто не умел или не хотел оценить и полюбить чужую христианскую культуру. В углублении раскола сугубо виноваты те политические деятели и завоеватели — крестоносцы, меченосцы, польско-литовские магнаты безобразно хозяйничавшие и Москве Смутного Времени и в Киевской Руси, и т. д. — которые нередко выдавали себя

за защитников католичества, а фактически служили только своим личным и национальным страстям.

Церковь Христова не раскололась, она всегда едина и непорочна. Но все мы, отдельные христиане, в большей или меньшей степени ответственны за уклонение многих от единства. И потому главным средством исцеления язвы разделения должно быть смирение, покаяние. Один Бог может примирить Своею благодатью разобщенных братьев. Мы же можем только располагать Его к этому смиренною молитвою, преодолением наших личных и других самолюбий, преданностью Христовой истине и подлинною христианскою вселенскою любовью.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
I. В эпоху великих гонений	5
II. Римская языческая идея в христианской империи	18
III. Церковная иерархия и соборы	28
IV. Первый век порабощения Церкви империей	39
V. Время св. Льва Великого	58
VI. После Халкидонского собора	70
VII. Век императора Ираклия	81
VIII. Иконоборчество	88
IX. Патриарх Фотий	98
X. Окончательный разрыв	108
XI. После разрыва	120
Послесловие	136
